РОВЕСНИК

№ 9/86
Сентябрь

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ISSN 0131—5994

ДВЕНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ XII ВСЕМИРНОГО. Мир и знания — самые молодежные проблемы: гонка вооружений, угроза войны отнимают у молодых будущее, лишают возможности войти в него во всеоружии знаний. Империализм предпочитает обучать молодежь ремеслу разрушителей и убийц, вооружать смертоносным оружием. А как относятся к этому сами молодые! Транспарант, который держит гость фестивальной Москвы, отвечает на этот вопрос: Нет — разрушению! Да — созиданию!

Фото
А. ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

СССР ПРОДЛЕВАЕТ МОРАТОРИЙ ДО 1987 ГОДА

...всесторонне и скрупулезно взвесив все «за» и «против», руководствуясь ответственностью за судьбы мира, Политбюро Центрального Комитета КПСС и правительство Советского Союза приняли решение продлить односторонний мораторий на ядерные взрывы до 1 января 1987 года.

Предпринимая этот шаг, мы верим, что люди во всех странах света, политические круги, международная общественность правильно оценят длительную тишину на советских ядерных полигонах.

От имени советского народа я обращаюсь к разуму и достоинству американцев — не упустить еще раз исторический шанс на пути к прекращению гонки вооружений.

Я обращаюсь к президенту США Рональду Рейгану еще раз беспристрастно оценить сложившуюся обстановку, отбросить все наносное, преодолеть заблуждения в отношении Советского Союза и его внешней политики.

Советский Союз уверен, что соглашения о прекращении ядерных испытаний можно достичь быстро и подписать его уже в этом году на советско-американской встрече в верхах. Это событие стало бы, вне всякого сомнения, главным реальным итогом встречи, значительным шагом на пути прекращения гонки вооружений. Оно явилось бы своего рода прологом к дальнейшему прогрессу на переговорах по ядерным вооружениям и их ликвидации, к радикальному оздоровлению всей обстановки в мире.

Мораторий Советского Союза на ядерные взрывы, будучи действием, а не только предложением, на деле доказывает серьезность и искренность нашей программы ядерного разоружения, наших призывов к новой политике — политике реализма, мира и сотрудничества.

Более половины 1986 года, объявленного Организацией Объединенных Наций Годом мира, позади. Продлевая свой односторонний мораторий, Советский Союз вносит еще один весомый вклад в общее стремление добиться того, чтобы этот год остался в истории достойным своего названия.

Из Заявления Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева по советскому телевидению 18 августа 1986 года

ДАРВИН. Лейбористская партия Северной территории Австралии обратилась к федеральному правительству с призывом ликвидировать соглашение, по которому в Пайн Гэп находится американская военная база. Представитель Группы мира из Элис Спрингс Л. Симмонс заявила, что присутствие американских военных баз в Австралии угрожает суверенитету страны, эти базы направлены против Советского Союза и других стран, которые США рассматривают как «враждебные», но народ Австралии отнюдь так не считает.

ВАШИНГТОН. «Мы отстаиваем мир и справедливость и призываем наше правительство дать миру шанс»,— заявил Тим Макдональд, представитель антивоенных объединений Юга США. Самые разные американские организации, выступающие в защиту мира, поддерживают советские мирные инициативы. «Советские предложения — положить конец ядерным испытаниям — великий дар мира,— сказал активист мирного движения штата Миссури Эд Хеммингсон.— Они еще раз продемонстрировали, что надежда на движение к миру исходит от Советского Союза». Активисты антивоенного движения округа Колумбия, штатов Массачусетс, Калифорния, Иллинойс, Миссури и некоторых других обратились с призывом к конгрессменам и сенаторам, представляющим эти штаты в Капитолии, голосовать за запрещение ядерных испытаний.

МАНАГУА. В кооперативе Хасинто Бака (300 километров на юго-восток от столицы Никарагуа) восемь добровольцев из западногерманской интернациональной бригады строили школу, когда их похитили неожиданно напавшие контрас. Это разбойное нападение, попирающее все международные законы, вызвало волну гнева во всем мире. Через полмесяца в Хасинто Бака работала интернациональная бригада, составленная из добровольцев, представляющих 25 стран Европы и Америки. В Вашингтоне многотысячная демонстрация протеста окружила Белый дом. Участники демонстрации несли лозунги: «Белый дом помогает убийцам!» Похищенные интернационалисты были освобождены, запугать людей, солидарных с борьбой народа Никарагуа, не удалось: новые интернациональные бригады отправляются в путь.

На снимках: демонстрации в защиту мира в США, Мексике, ФРГ, Западном Берлине, Индии и Греции.

■ **МОСКВА.** Советский Союз генерирует миру надежду своей неустанной работой по укреплению мира, своим неприятием самой мысли о возможности ядерной войны»,— сказал в интервью американской газете «Дейли пиплс уорлд» Тим Джонсон из штата Орегон. Советский Союз генерирует миру надежду и своей неустанной работой по распространению знаний. С помощью Советского Союза и других социалистических стран получили специальности более 1,6 миллиона рабочих в 70 странах Азии, Африки, Латинской Америки; создано 49 высших и средних специальных учебных заведений, 260 учебных технических центров.

■ **ВАШИНГТОН.** Авантюристическая политика США на мировой арене пагубно влияет на жизнь самих американцев. Все экономисты отмечают многолетнее постоянное снижение уровня жизни трудящихся и мелких собственников. Сказывается эта агрессивная политика и на положении школ и учащихся. Дети безработных и бездомных пересекают страну с востока на запад вместе с родителями, ищущими постоянное место на фабриках, заводах, фермах. По этой и другим причинам многие школьники бросают занятия. Кроме того, нынешняя администрация сократила ряд программ социального обеспечения — помощи несовершеннолетним. По официальным данным, а они, как правило, занижены, пишет буржуазная газета «Нью-Йорк таймс», 11,5 миллиона детей моложе 15 лет относятся к беднякам и практически не посещают школу. Анализируя положение в народном образовании, эта газета делает вывод, что со времени прихода к власти правительства Рейгана богатые стали богаче, бедных стало больше, они стали беднее, и выкарабкаться из нищеты им не удается в том числе и потому, что современное образование проходит от них стороной.

■ **ЛОНДОН.** Национальная ассоциация учителей, которая представляет три четверти преподавателей государственных школ, провела конференцию, посвященную катастрофическому положению в народном образовании. Президент ассоциации Джин Лик заявила, что правительство консерваторов несет ответственность за то, что 93 процента учащихся государственных школ лишены возможности получить современное образование. «Политика постоянного сокращения средств на социальные нужды,— сказала она,— приводит к тому, что школы не ремонтируются, у нас нет оборудования для проведения лабораторных работ по физике, химии и биологии, классы переполнены, поскольку сокращается штат учителей».

1 сентября – ДЕНЬ МИРА

СМОТРИТЕ

Сантьяго, Чили. На улицах через каждые 20—25 метров — карабинеры. Стоит появиться манифестантам, сразу же мчатся «гуанакос» — бронированные машины, смывающие людей мощными струями воды, и «пакос» — спецотряды, забрасывающие манифестантов гранатами со слезоточивым газом.

Шакал — так называет Пиночета народ — организует зверские расправы над политическими противниками, поощряет банды убийц — фашиствующих штурмовиков. Но его судьба решена, конец его власти — лишь вопрос времени. Патриоты захватывают обширные территории и удерживают долгое время, объявляя «зоной, свободной от диктатуры». В одном Сантьяго таких зон свыше 20. Организуются группы самообороны, создаются пункты первой помощи раненым, убежища для преследуемых карабинерами, мастерские по изготовлению оружия, центры сбора и обучения бойцов. Армия уже не способна контролировать ситуацию: люди преодолели страх. С камнями, но все чаще с оружием в руках рабочие, студенты, женщины поднимаются на борьбу с диктатурой. Руководители сопротивления считают 1986 год решающим и призывают народ сделать его годом великих сражений.

Излишне говорить, как действует на человека трель будильника в шесть утра. Но я собираю волю в кулак и заставляю себя встать.

Карел ждет ровно в семь. Нам сегодня предстоит убрать огромный зал хоккейного стадиона. «Нам» — 15 студентам Карлова университета в Праге. Когда я попросился на эту работу, Карел согласился не сразу, прикидывая и оценивая, видимо, и мои физические возможности. Он-то знал, что нас ждет. Наконец сказал: «Ладно, только не говори никому, что ты журналист. И еще одно: у нас бригада. Заработанные деньги — в общий котел, а потом делим на всех поровну». Он не объяснял мне само собой разумеющихся истин, не говорил, как важно ощутить локоть друга... Нет, он не объяснял, что чувство коллективизма, трудового азарта и единения — прекрасное чувство даже в таком прозаическом деле, как уборка хоккейного стадиона, потому что это само собой разумелось, и, наверное, в этом главный результат воспитания кроной.

Крона лежит у меня на ладони. На лицевой стороне монеты девушка, приклонив колено, сажает деревце. Этот на первый взгляд простой сюжет глубоко символичен. Во-первых, деревце это — липа. А липа для чеха, что береза для русского. И еще одно обстоятельство. Автор модели кроны, известный чехословацкий скульптор Мария Ухитилова, из многих вариантов выбрала этот не случайно. Она объяснила свой выбор так: «Монеты проходят через миллионы рук, и мне хотелось, чтобы они символизировали первичность труда — основу всего сущего на земле».

...Кому не знакомо это состояние легкости, полнейшего бездумья и скрытого самодовольства, когда учебная сессия позади. Часть каникул можно «пожертвовать» на заработки. Надо купить новые книги и пластинки, подарки родным и кроссовки себе. А поездка в горы зимой? Скромный студенческий бюджет бился в агониях, терзаемый растущими запросами. И чтобы он не лопнул, мы подрабатывали. В пекарне снимали еще горячие булки с бегущего конвейера и укладывали их на лотки. Наклониться, взять, положить, наклониться, взять, положить... Спина не сгибалась. После этого мне снились сны с запахом хлеба. А пражане между тем утром ели свежие бутерброды с маслом и джемом...

Еще мы мыли окна в больницах, разгружали почтовые вагоны, окучивали деревья в парках. Никакой романтики... И все-таки она была. В мимолетной улыбке товарища, в коротких перекурах, в усталости натруженного тела, в ощущении того, что ты растешь, зарабатываешь самостоятельно на жизнь, а стало быть, крепче стоишь на ногах.

Так как же заработать крону? В каникулы у студентов есть время, возможности и желание. А заводу, поликлинике, столовой, магазину требуется рабочая сила. Временно. Пути двух заинтересованных сторон обязательно должны пересечься в учреждении необычного профиля. Называется оно предприятие молодежных услуг. В Праге любой студент коротко и быстро объяснит вам, как найти это здание, расположенное на одной из центральных улиц города. Предприятие как предприятие: есть свой директор, его заместители, отдел кадров, юрисконсульт. И рядовые сотрудники есть, штатные. Правда, совсем немного. Гораздо больше нештатных — несколько тысяч. Предприятие это хозрасчетное, и каждая вложенная в дело крона должна приносить прибыль. «Молодежные услуги» организационно делятся на пять секторов. Но нас интересует один — сектор трудовой активности. Сюда стекаются заявки с фабрик и заводов, из магазинов и лесных хозяйств, гостиниц и строительных трестов. Все они начинаются с привычного нам слова: «требуются». Задача — выбрать. Чтобы было неподалеку от жилья, чтобы было интересно, чтобы работа отвечала физическим возможностям.

ЗАЯВКА НА «БАБУШКУ» и другие услуги

Фото В. ЧЕЙШВИЛИ

Виталий ЯРОШЕВСКИЙ, корреспондент ТАСС — для «Ровесника»

— Удается ли удовлетворить все требования? Так, чтобы молодые люди были довольны и предприятия не в убытке?

— Спрос значительно превышает предложение. Так что у студентов есть возможности выбора,— отвечает Ян Неедлик, заведующий сектором трудовой активности.

— А предприятию выгодно иметь дело с вами? Не проще ли наклеить объявления у заводской проходной?

— Выгодно. Ну, сколько человек прочтут это объявление? А на дворе лето, время отпусков, и рабочих рук катастрофически не хватает. Результативнее послать нам заявку, выплатив потом определенную сумму за посредничество. Затраты значительно ниже, чем на объявления в газете. Мы это точно знаем — подсчитали. Как показывает практика, к такому же выводу пришли бухгалтерии большинства заводов и учреждений. Кроме того, мы берем на себя все формальности, связанные с оформлением на временную работу. «Заказчик» даже избавлен от заключения трудового договора. К слову сказать, эти формальности сведены до минимума. От студента требуется

От того, как будут работать магазины и столовые, мастерские и ателье, поликлиники и больницы, предприятия общественного транспорта и связи, вся индустрия отдыха и досуга, во многом зависят настроение и в конечном счете результативность труда советских людей.

Из Обращения Центрального Комитета КПСС к трудящимся Советского Союза

ОПЫТ ДРУЗЕЙ

справка с факультета: кто не в ладах с учебой, у нас места не получает.

— Насчет выгод работодателей ясно. А что привлекает студентов?

— Ну прежде всего свобода выбора. Потом — сниженный подоходный налог. При заработке до 800 крон — это пять процентов. А во время летних каникул, независимо от размеров заработка, этот налог не увеличивается. Наше предприятие юридически охраняет интересы студентов. Например, бывали случаи неправильной оплаты произведенных работ. В дело незамедлительно вмешивались наши технические эксперты. Это опытные люди. Тарифные сетки они знают как таблицу умножения. Справедливость всегда торжествовала. А это тоже очень важный стимул.

— Но ведь и студенческая публика неоднородна...

— Да что греха таить, у некоторых наших «клиентов» иногда бывают нелады с дисциплиной. Вместо того чтобы, скажем, мыть окна в больнице, они заворачивают на пляж или в бассейн. К счастью, такие случаи крайне редки. С лодырями мы расстаемся быстро и просто — отказываем в продлении специального удостоверения, которое выдается на пять лет каждому, кто к нам приходит.

В центре по трудоустройству все стены пестрят объявлениями разной величины и разной степени заманчивости. Внимательно изучаю конъюнктуру: действительно, спрос на студенческие руки огромен. Чехословацкому бюро путешествий «Чедок», например, требуются гиды-переводчики со знанием самых разных языков. Прямо-таки умоляет прийти пражский ипподром. Почта, магазины, стройки... А вот любопытное объявление: «Требуются «бабушки» на один день».

— У вас есть дети? — с улыбкой спрашивает меня референт по найму Милада Новакова.

Я киваю головой. Мол, есть, двое. Старшему — шесть, младшему — два.

— А давно вы с женой не выбирались в театр, в кино, на выставку?

Признаюсь, что давно, очень давно...

— Так можете это сделать на следующей неделе! Достаточно оставить у нас заявку на «бабушку» с конкретным указанием дня и времени, когда ей следует прийти.

Мне повезло: с одной из «бабушек» я познакомился в тот же день. Яна — студентка второго курса Высшего технического училища. Уже в течение полугода каждую неделю по средам она ходит в одну семью и присматривает за двумя теперь восьмимесячными близнецами. Хлопот с ними не оберешься: перепеленать, накормить, уложить спать... Но работа Яне по душе. Вот сейчас она успешно сдала сессию и подыскивает какую-нибудь «нуждающуюся» молодую семью. Благодаря ей мы с женой после долгого перерыва попали-таки в кино на отличный фильм.

Мое внимание привлек еще один вид объявлений. Это заявки от престарелых граждан, пенсионеров, одиноких людей. Подобная форма помощи оказывается предприятием молодежных услуг бесплатно. К чести ребят надо сказать, что все просьбы удовлетворяются максимально быстро, и не было еще случая, чтобы пожилых людей обошли заботой.

...Через неделю после нашего разговора я, как и договаривались, позвонил Яну Нeедлику.

— Есть ли что-нибудь интересное?

— Есть. Требуются водолазы на очистку фарватера Влтавы. У нас уже записались пятеро, но нужно гораздо больше.

РАБОТА ЖДЕТ СТУДЕНТА

Николай ГЕГАМЯН, заведующий производственным отделом Центрального штаба студенческих строительных отрядов ЦК ВЛКСМ

Спорить о том, что лучше — когда двадцатилетний человек полностью на содержании родителей или когда он хотя бы частично переходит «на самоокупаемость»,— сегодня не приходится. Ведь совершенно ясно: чем раньше молодой человек узнает цену заработанным деньгам, чем раньше входит он во вкус самостоятельности, тем прочнее обеими ногами стоит на земле. А если принять во внимание, что многие студенты уже к третьему-четвертому курсу обрастают семейством, то проблема дополнительного к стипендии приработка естественно переходит из области воспитательных пожеланий в разряд жизненных требований...

Это взгляд на проблему студенческого труда во внеучебное время, так сказать, с личной точки зрения. А теперь давайте посмотрим на нее сквозь призму общественных, народнохозяйственных интересов.

Обратите внимание, кем работают пражские студенты, о которых рассказал Виталий Ярошевский. Гидами, дворниками, подсобниками в пекарне, даже «бабушками» — приходящими нянями. Словом, в той самой сфере, которую принято называть сферой услуг. И именно здесь, как говорит статистика и подтверждает практика, всегда существует наиболее ощутимый дефицит кадров. Как в Чехословакии, так и у нас. Поэтому, наверное, не случайно, что и в Праге, и в некоторых крупных учебных центрах у нас — в Ленинграде, Челябинске, Одессе, Воронеже, Иванове — почти одновременно, пусть и в разных формах, возникли студенческие службы трудоустройства.

Эксперимент, который в течение четырех лет проводился в пяти перечисленных выше городах нашей страны, показал — каждый пятый студент вуза или техникума охотно совмещает учебу с посильным трудом во внеучебное время. Более того, студенческие бюро по трудоустройству прямо-таки осаждаются желающими. Кому-то приходится и отказывать, например «хвостистам» или прогульщикам.

Действительно, на отсутствие спроса студентам жаловаться не приходится. Многие из них работают и по специальности. Например, будущие медики на первых курсах замещают в клиниках санитаров и медсестер, а старшекурсники могут рассчитывать уже на более ответственную и сложную работу фельдшера в «Скорой помощи».

Впрочем, студенты-медики испокон века совмещали учебу с трудом, нарабатывая таким образом необходимую будущему врачу практику. А вот что касается других институтов — там приходилось искать, пробовать, как и положено по условиям эксперимента. Самым сложным оказалось скоординировать потребности городского хозяйства и возможности студентов. И еще — организовать работу так, чтобы ребята не слишком переутомлялись и в то же время не подводили тех, кому вызвались помогать. Решением первой задачи занялись штабы студенческих отрядов, а непосредственно в вузах — общественные бюро по трудоустройству при комитетах комсомола. Они собирают заявки от предприятий и организаций, нуждающихся в дополнительных работниках. Сюда же стекаются сведения о том, кто из студентов хотел бы потрудиться вечерами или в выходные и на какую именно работу он рассчитывает... Словом, все почти так, как в пражском предприятии молодежных услуг.

Почти... Потому что есть и отличия. Скажем, если молодые пражане заключают индивидуальный трудовой до-

говор, а в бригады, такие, как бригада Карела, объединяются лишь в случае необходимости, то наши студенты предпочитают отрядную форму. Речь идет не о тех студенческих отрядах, которые вот уже два с лишним десятка лет едут на летние каникулы на многочисленные стройки, помогают на транспорте, в торговле. Трудовой семестр круглогодичных студенческих отрядов (КСО), как ясно уже из названия, продолжается весь год. Например, только в прошлом, 1985 году из 150 тысяч работавших во внеучебное время студентов пятьдесят тысяч входили в состав КСО.

Но почему же отряд? Разве нельзя организовать работу «одиночек»? Пусть бы приходили желающие в ОБТС (так сокращенно зовется общественное бюро по трудоустройству студентов), предъявляли справку от деканата, получали направление — и дело с концом.

Оказывается, отрядом работать удобнее и интереснее. Во-первых, есть возможность установить график выходов на работу, устраивающий всех, а в случае болезни или каких-то иных непредвиденных обстоятельств быстро заменить выбывшего из строя. Во-вторых, в отряде гораздо проще решаются проблемы дисциплины, качества труда. По существу, это тот же бригадный метод в промышленности или на селе, только перенесенный на вузовскую почву. И преимущества его так же явны, как и на заводе.

И, наконец, главное. КСО не просто объединение студентов, желающих подработать после лекций. Это еще и нечто вроде постоянно действующей агитбригады на том предприятии, где он трудится, да иной раз и за его пределами. Например, старшекурсники Ленинградского первого медицинского института, работающие в отряде «Петропавловская крепость» в качестве, далеком от основной специальности, дворниками, читают для сотрудников музея лекции на медицинские темы. А их младшие коллеги ведут санитарно-просветительную работу в коллективе фабрики-прачечной. Все это, понятно, бесплатно.

Между прочим, отношение администрации предприятий к отрядам более заинтересованное, нежели к «одиночкам». Скажем, дирекция музея «Петропавловская крепость» предоставила бойцам отряда благоустроенное общежитие. А на той же фабрике-прачечной лучших студентов награждают премиями, дают путевки в дом отдыха. И это естественно, ведь в отрядах, как уже говорилось, свои, четкие требования к дисциплине и качеству работы, на смену они выходят, как правило, без сбоев, без опозданий. С индивидуальным же трудоустройством, признаться, всякое бывало: выйдет, положим, студент на работу однажды и... раздумает. Попросту говоря, исчезнет бесследно, а в отделе кадров ломают потом голову, куда девать новенькую трудовую книжку, где зафиксирован однодневный «трудовой» стаж. Принимая во внимание все студенческие нужды и проблемы, нельзя забывать и о законах производства, главный из которых — план.

Словом, эксперимент показал следующее. Во-первых, работа студентов — дело обоюдовыгодное, нужное и им самим, и народному хозяйству. А во-вторых, будущее за круглогодичными студенческими отрядами. Так что же, выходит, закончен эксперимент?

Нет, он продолжается... В начале нынешнего года коллегия Министерства бытового обслуживания населения РСФСР и Центральный штаб студенческих отрядов ЦК ВЛКСМ приняли совместное постановление. В основе его уже накопленный опыт деятельности КСО как в «экспериментальных» городах, так и во многих других вузовских центрах. А суть постановления в том, что отныне границы эксперимента расширяются на всю Российскую Федерацию, где созданы и будут создаваться новые круглогодичные отряды, работающие в сфере услуг. Почему выбрана именно эта отрасль народного хозяйства, думаю, долго объяснять не нужно. На XXVII съезде партии принята масштабная социальная программа, выполнить которую можно, только взявшись за дело всерьез на всех участках. И студенты здесь осилить могут многое.

И еще одна причина есть для продолжения эксперимента. Дело в том, что круглогодичные студенческие отряды существуют у нас пока «на птичьих правах». И норма, сниженная на 20 процентов, и освобождение от подоходного налога (то, что решено в пражском предприятии молодежных услуг и что, кстати, давно уже принято в летних студотрядах) — так вот, это делается и во многих КСО, но в нарушение всех инструкций. Даже формы договора своей не существует, в штабах пользуются опять же «одолженной» у летних ССО. Таким образом, главная помеха — отсутствие нормативно-правовой базы эксперимента. А вторая сложность, как ни странно, упирается в довольно прохладное отношение к нему вузовских руководителей. Помнится, еще Антон Семенович Макаренко с иронией писал о священном страхе иных педагогов перед заработанным подростком рублем. Так ведь здесь-то речь о взрослых людях, хотя и подростку бы не худо пораньше узнать, как на хлеб зарабатывают... Стоит ли поощрять затянувшееся детство некоторых наших студентов.

В общем, жизнь показала — КСО быть! Все чаще появляются в газетах сообщения о том, что где-то студенты взяли на себя обслуживание общежития, здесь — организовали обслуживание на дому ветеранов войны и труда, там — создали студенческий Дом моделей... Не в одном лишь рубле или в кроне ценность молодежной инициативы. Она еще в реальной причастности будущего специалиста к решению важных общенародных проблем.

— Если бы я не стал поэтом, я бы строил дома,— сказал как-то Неруда.

Он умер 23 сентября 1973 года, через 12 дней после гибели демократии в Чили.

В его доме устроили обыск. Вдова поэта, Матильда, покидая дом после ухода солдат, оставила все, как было,— разбитые стекла, выломанные двери, развороченная мебель, изрезанные картины. Матильда решила: пусть разоренный дом будет символом — если так поступают с памятью нобелевского лауреата Чили, величайшего поэта Латинской Америки, нетрудно представить, как обращается хунта с читателями Неруды, бедняками, беззащитными, безвестными.

В доме поэта в Сантьяго солдаты, приходившие с обыском, оставили открытыми водопроводные краны, и, когда Матильда вернулась из госпиталя с телом Неруды, дом был затоплен. Гроб поставили на стол среди болота, грязи и мусора.

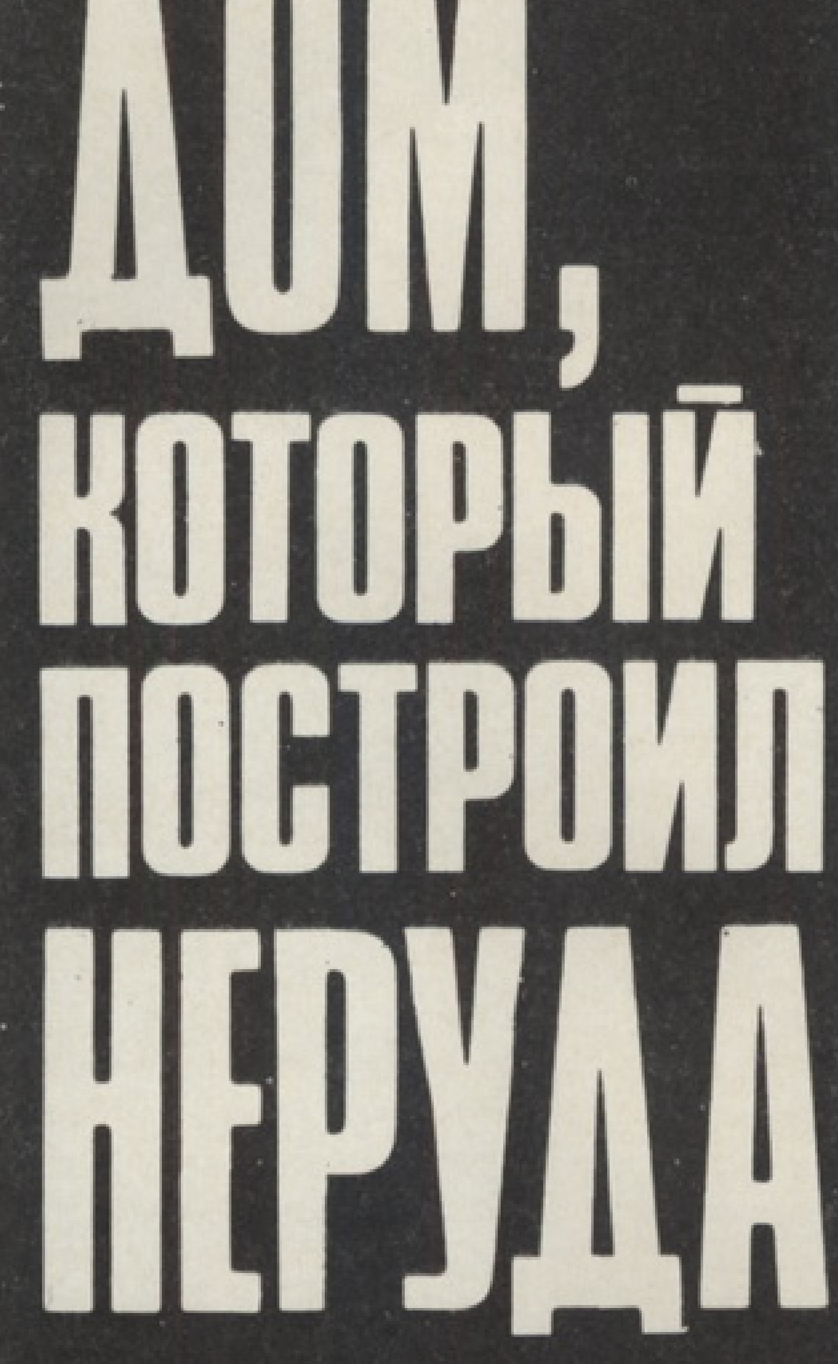
Еще один дом — самый любимый поэтом — в Исла-Негра, в небольшой прибрежной деревушке, среди шума прибоя и крика чаек. Когда пришли солдаты, умиравший от рака Неруда находился здесь. Они искали оружие, партизан, коммунистов. Перелистали каждую книгу, в том числе книги Уитмена и Рембо в оригинале, не понимая при этом ни по-английски, ни по-французски; щелкали фонариками, роясь в его уникальной коллекции раковин и фрегатов в бутылках; заглядывали под географические карты XVII века и простукивали резные носовые фигуры деревянных судов, привезенные Нерудой из разных стран мира; обследовали даже разноцветный игрушечный локомотив, поставленный во дворе для детей, приходивших к поэту в гости. Наконец майор, руководивший операцией, подошел к постели Неруды: «Извините, но нам сказали, что здесь есть нечто опасное». Как рассказывает легенда, Неруда ответил: «Поэзия действительно очень опасна». Майор кашлянул и увел солдат.

После этого посещения состояние Неруды резко ухудшилось. Врач, лечивший его, был арестован. И тогда родственники решили перевезти поэта в госпиталь в Сантьяго. По дороге санитарную карету задержали на три часа для нового обыска. Матильда рассказывала, что в тот день она впервые видела, как Неруда плачет.

Долгие годы мне пришлось жить вдали от родной страны, лишь через десять лет вынужденной эмиграции мне удалось побывать в Чили. Едва приехав, я отправился в Исла-Негра. Будь Чили демократической страной, я бы, наверное, жил и работал в доме Неруды: он завещал свой дом всем поэтам Чили, молодым и старым, чтобы они могли писать у моря без всяких бытовых забот. Опеку над домом он поручил Коммунистической партии Чили, членом которой был. Но, захватив власть, хунта конфисковала все иму-

Во всем растущем человек растет,
растет с рекой, растущей от истока,
и с деревом, растущим молчаливо.
Вот так же и слова мои —
растут,
растут из тишины, где тьма и корни,
из зерен, чьих ростков не удержать,
из дней пшеничных
и воды безбрежной,
растут от солнца, застланного тучей,
хотя оно об этом не просило,
от лошадей, вспотевших под дождем.

Пабло НЕРУДА

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ НЕРУДА

Ариель ДОРФМАН,
чилийский поэт

щество левых партий: дом Неруды стал ее собственностью. Нелепо было бы ожидать даже от такого циника, как генерал Пиночет, что он откроет дом для поэтов, он их преследовал все эти годы, пытал, запрещал и изгонял из страны. И хунта сделала единственное, что ей оставалось: дом Неруды заколотили и бросили — пусть разрушается под ветром и дождем,— рассудив, по-видимому, что от заброшенного дома не будет особого вреда.

Окна комнаты, в которой Неруда, бывало, ел сыр, смотрел на волны и писал стихи, теперь забиты досками. Лупоглазая рыба и другие образы, нарисованные им на стене, выцвели и обшелушились. Легко представить, как там, внутри, в сырости портятся его книги.

И все же дом Неруды не кажется мертвым. Дом окружает длинный деревянный забор, на каждом его бревнышке, на каждой вертикальной дощечке — послания, тысячи посланий Неруде от людей, которые приезжают сюда со всех концов Чили, со всего мира, они обращаются к поэту, называя его просто Пабло, как товарища, на «ты». Некоторые послания — политические лозунги, другие — признания в любви к поэту, короткие стихи, разрозненные мысли, иногда просто написаны имена двух влюбленных (возможно, мостик между ними проложен его стихами), иногда — целые списки имен групп и семей. В этих посланиях чувства огромного большинства чилийцев: они уже не могут молчать и понимают — их слова достаточно важны, чтобы быть услышанными, эти люди пишут, как дорог им Неруда, как скорбят они, что он ушел из жизни, они заверяют поэта, что он по-прежнему жив в их сердцах. Большинство посланий написано мелом или углем, дождь смывает слова, на их месте появляются новые, написанные другими.

Тысячи людей побывали у дома Неруды, миллионы чилийцев пишут на других стенах страны другие страстные послания друг другу.

11 сентября 1973 года первое, что сделала хунта, взорвала левые радиостанции. Чтобы установить власть над страной, считали генералы, необходимо разобщить людей, изолировать их друг от друга. Хунта приступила к систематическому уничтожению и реорганизации средств связи и информации. Книги были сожжены, профсоюзы — запрещены, школы и университеты — завоеваны, художественные выставки — закрыты, публичные и интимные высказывания — взяты под строгий контроль. А люди, которым осталась лишь память, нашли способ говорить. Сначала немногие, сначала шепотом. Устная стадия сменилась письменной — появились лозунги на стенах, на бумажных деньгах, потом — первые самодельные листовки. Сопротивление ширилось, и местные организации налаживали выпуск листовок и брошюр, и уже через три года в Париже, не веря глазам, я разглядывал первую подпольную книгу, вышедшую в Чили. Мой французский друг, который в годы борьбы с гитлеровским фашизмом участвовал в Сопротивлении, улыбнулся ей как давней знакомой: «Ее напечатали на трех разных прессах,— сказал он.— Она очень напоминает те, которые мы издавали в подполье».

С тех пор в Чили вышло и выходит множество нелегальных и полулегальных публикаций. Прекратить их распространение полицейскими мерами уже невозможно — их стало слишком много. Их сила в массовости, как и у посланий на досках забора у дома Неруды.

Я видел эти издания — сотни грубо сработанных в подпольных типографиях оттисков, газеты на желтой бумаге. Я разглядывал их, словно соприкасаясь с тайной, даже упоминание о которой запрещено под страхом смерти.

Большинство людей, выпускающих эти боевые листки, недоедают, у них нет денег на транспорт, и все же они находят в себе силы продолжать борьбу — обитатели трущоб, активисты студенчества, профсоюзных, женских, культурных организаций поднимают голос, и он звучит все громче, каждый день набирая силу.

Я читаю: «Пабло, я пришел к тебе», чуть ниже другой рукой: «Пабло, скоро мы все придем к тебе». И я знаю, хоть ветер и дождь сотрут написанное на опасных чилийских стенах и эти послания исчезнут, но придут другие и напишут вновь...

Перевел с английского В. СИМОНОВ

Член Коммунистической партии США, известный американский писатель и публицист Филип Боноски дважды, в 1980 и 1981 годах, ездил в Афганистан, чтобы своими глазами увидеть происходящие там события и донести правду до американского читателя, одураченного мифами буржуазной пропаганды. Результатом этих поездок стала книга «Необъявленная война против Афганистана», главы из которой здесь публикуются.

За прошедшие с тех пор пять лет афганский народ под руководством Народно-демократической партии Афганистана сумел добиться многого на путях социально-политического преобразования общества: складывается новая социально-экономическая структура, новая государственность, укрепляются вооруженные силы. Народ все четче начинает понимать задачи, поставленные Апрельской революцией 1978 года. Растет сопротивление афганцев атакам контрреволюционных банд, наносимым с территории соседнего Пакистана. Демократическая Республика Афганистан твердо отстаивает избранный путь развития.

ВОЙНА ЗА ВОЙНУ

Филип БОНОСКИ,
американский писатель

Сотни тайных троп и проходов пересекают горную гряду, которая по линии Дюранда разграничивает, но не разъединяет Афганистан и Пакистан. Каждую осень по этим древним дорогам, которые вьются, переплетаясь, как прожилки на срезе выдержанного сыра, движутся по следам своих предков десятки тысяч кочевников. Это пуштуны, но есть среди них и белуджи. Осенью они идут к пастбищам, раскинувшимся на земле, известной нам под названием Пакистан [1], а весной возвращаются на земли, которые мы называем Афганистаном.

Если вы спросите любого из них, кто он, афганец или пакистанец? — ответом будет взгляд, полный недоумения, и покачивание головой. Для кочевников, которые в течение сотен лет сохраняли верность только вождю своего племени, и Афганистан и Пакистан лишь слова, не связанные с какими-либо реальными понятиями. Для них нет государства. Они не признают границы. Их «государство» там, где зеленеют травы [2].

Так было и во времена Марко Поло, когда он встретил их семьсот лет назад: «Горные пастбища дают корм неисчислимому множеству овец, гигантские отары которых бродят повсюду». Так было и в наши дни.

Погоняя стада овец, лошадей и верблюдов, кочевники движутся от пастбища к пастбищу. На этом пути их подстерегает История. Она обрушивается на них, грубо и бесцеремонно вторгаясь в их жизнь. Время от времени, словно вырвавшись из таинственных пещер, на них набрасываются неведомые чудовища. То Александр Македонский, которого приводили в восторг их кони. Потом пришел из далекой Монголии Чингисхан, из Средней Азии — Тамерлан. Все они приносили с собой страдания и беды и по прошествии какого-то времени исчезали. А жизнь кочевников продолжалась, рождалось потомство, и ничего не нарушало извечного течения времени. Их знание истории сводилось к тому, что она на время прерывала странствия от одних зеленых пастбищ к другим.

На рубеже XIX—XX веков новые исторические чудища вторглись в их жизнь. Чудищ звали Пальмерстон, Дизраэли, Керзон, Уинстон Черчилль, Дю-

Главы из книги «Необъявленная война против Афганистана».

Встреча в 1928 году М. И. Калининым афганского эмира Аманулла-хана в Москве.

ранд...[3] Но и они канули в вечность. А пастухи продолжали преодолевать горы, стремясь добраться до пастбищ прежде, чем выпадет снег.

Эти пастухи-пуштуны равно невозмутимо воспринимали все сюрпризы истории с их жестокостью и вероломством. Они знали царей и императоров. Купцы из далекого Китая и из соседней Индии пересекали их долины, следуя по Великому шелковому пути. Эллинская культура коснулась их. Из Индии пришел буддизм, к VII веку он был вытеснен исламом.

Скотоводы-кочевники всегда побеждали завоевателей. Их земля была громадной естественной крепостью с «множеством узких теснин и ущелий», которые, как описывал Марко Поло, надежно защищали их «от любых враждебно настроенных пришельцев». Словно пыль дорог или капли дождя, они отряхивали столетия...

XX век расколол кокон времени и выставил их бытие под безжалостный свет юпитеров перед объективами телекамер... Слишком долго они пребывали в состоянии дремоты. Слишком поздно пришли в современный мир.

Хищники XX века требовали их души в качестве платы за вход в столетие, которое США с первых дней считали частной собственностью Америки с соответствующим клеймом «Американский век». Научно-техническая революция обрушилась на Афганистан, опередив социальную. Пастухи-кочевники, едва вступив в XX век, еще не успев познакомиться с такими его достижениями, как водопровод и канализация, узнали, что им, возможно, так и не придется жить в XXI столетии.

Из века в век по ночам, завернувшись в одеяла, сидели у костров потомки поэтов и рассказывали о давно прошедших временах. Но в наши дни предания старины глубокой уступили место жестоким фактам, которые сами звучат как страшные сказки. Теперь по ночам пастухи уже не слушают старые сказания... «Время словно застыло в этих горах, повиснув над нашими кострами,— сказал мне один пастух-кочевник.— Но звуки века нынешнего доносятся к нам из наших транзисторов».

Именно эти звуки положили конец плавному течению времени. Настоящее своим шумом заглушило тихий шепот предков. Кочуя по этим горам, в редкие минуты отдыха пастухи настраивают свои приемники, чтобы слушать окружающий мир. И однажды эта маленькая блестящая коробочка поведала им, что пути назад, к афганским пастбищам, больше нет. Их выгнали из Весны. Может быть, навсегда... Возвращение в Весну для них закрыто. Они больше не афганцы, не пакистанцы, не пуштуны или белуджи. Металлический ящичек объясняет, что они теперь «беженцы», и, не дав им возможности выбора, их уже окрестили «борцами за свободу»[4].

Ночью, пока пастухи спят у своих костров, над ними к Хайберскому перевалу и дальше в Пешавар[5] мчатся «пежо» и «кадиллаки». Их владельцев уже ждет горячая ванна в роскошном отеле «Хайбер». В мировой печати их величают «муджахидинами», «священным воинством», которое из своего пакистанского прибежища будет руководить войной против «неверных», прерывая свои труды только ради краткого паломничества в Лондон или Вашингтон, с успехом заменивших им Мекку.

Соединенные Штаты признали Афганистан как суверенное государство в 1934 году. Советский Союз сделал это в 1919 году.

Советский Союз помогает Афганистану в течение более чем 60 лет. Еще в 1919 году по указанию В. И. Ленина государству, отстаивающему свою независимость, которым тогда правил Аманулла-хан, была оказана материальная (один миллион рублей золотом) и военная помощь (пушки, самолеты, боеприпасы). Оказание помощи продолжалось и при Захир Шахе, и при президенте Дауде. Политическое и военное сотрудничество между Афганистаном и СССР стоит на прочном историческом фундаменте. Об этом следует помнить, чтобы дать объективную характеристику событиям декабря 1979 года [6].

Вот небольшой экскурс в прошлое. 27 марта 1919 года Советское государство первым признало независимость Афганистана. 27 мая 1919 года В. И. Ленин и М. И. Калинин писали в послании Аманулла-хану: «Установлением постоянных дипломатических сношений между двумя великими народами откроется широкая возможность взаимной помощи против всякого посягательства со стороны иностранных хищников на чужую свободу и чужое достояние».

Эта политическая декларация была подкреплена целым рядом договоров о культурном и экономическом сотрудничестве, действие которых впоследствии продлевалось. Они включали условия, в соответствии с которыми Афганистану оказывалась помощь, имевшая решающее значение в критические моменты истории страны. (Еще в 1921 году был подписан договор о дружбе, согласно которому, в частности, РСФСР предоставляла Афганистану право свободного и беспошлинного транзита грузов через свою территорию.— Ред.) Этот договор сыграл особенно важную роль, например, в июне 1955 года, когда Пакистан (скорее всего по подсказке США) закрыл свои границы с Афганистаном, лишив его возможности доставлять грузы к Индийскому океану. Таким путем США пытались экономически задушить независимое государство и втянуть его в осуществление планов Америки — окружить СССР кольцом враждебных стран.

В 1932 году Советский Союз помог Афганистану устоять в одном из ужаснейших мировых экономических кризисов, расширив торговые связи на благоприятных условиях.

Советская помощь всегда включала работу советских специалистов и педагогов в Афганистане. Вот почему любому афганскому патриоту понятно, что его родина самим своим существованием, своей независимостью обязана русской революции и рожденному ею социалистическому государству.

В то же время внешняя политика Афганистана всегда основывалась на дружбе с Советским Союзом. СССР поддерживал дружественные отношения со всеми правительствами страны. Во время второй мировой войны правительство Афганистана, хотя и сохраняло нейтралитет, не только не уступило уговорам (и угрозам) нацистов, желавших использовать Афганистан в качестве плацдарма для нападения на СССР и Индию, но и дало им решительный отпор. Советский Союз всегда с уважением относился к своему южному соседу — независимому, миролюбивому Афганистану. Эта взаимная дружественная политика осуществляется в течение 60 лет. Кстати, именно Советский Союз поддерживал просьбу Афганистана о приеме в ООН в 1946 году.

Попытки превратить Афганистан из нейтрального в проимпериалистическое (и антисоветское) государство совершенно изменили положение вещей.

Американские интересы в Афганистане были направлены на то, чтобы склонять Афганистан к антисоветскому курсу. Одной из своих важных задач США считали завоевание умов правящей верхушки. Педагогический факультет Кабульского университета, например, «стал филиалом» педагогического факультета Колумбийского университета. Вся система образования была перестроена на американский манер.

Что это значит? В течение многих лет ЦРУ занималось созданием фиктивных фондов образовательных программ и «филантропических» организаций, союзов, газет, политических партий, единственной задачей которых было развращать и смущать умы молодых людей из разных стран, включая Афганистан.

Бывший сотрудник ЦРУ Марчетти откровенничал в своей книге «ЦРУ — культ разведчика»: «Основная задача ЦРУ состояла в проведении тайных операций, тщательно засекреченных акций по скрытому вмешательству во внутренние дела других государств».

На основании известных ему документов ЦРУ Марчетти пришел к выводу, что эта организация уделяла особо пристальное внимание студентам, представителям стран «третьего мира», таких, как Афганистан. Марчетти писал: «Оперативный сотрудник не обязательно станет подбирать потенциального агента из числа людей, уже занимающих важное положение. Он может выбрать кого-то, способного через несколько лет занять ответственный пост (иногда и с помощью самого ЦРУ). С этой точки зрения студенты рассматривались как наиболее ценные, перспективные объекты для вербовки, особенно если это были представители стран «третьего мира», где люди с университетским образованием часто вырастают до высоких государственных постов всего через несколько лет после получения диплома».

После победы национально-демократической революции в апреле 1978 года недовольные реформами помещики, ростовщики, средневековые мракобесы могли быть легко укрощены в своих попытках вернуть утерянную власть, если бы не поддержка международной реакции. Несомненно, мятежи, которые они сеяли, не дали бы всходов, если бы США не превратили внутренние проблемы Афганистана из «конфликта сугубо локального характера и значения» в конфликт международного масштаба.

Почему именно в ночь на 27 декабря 1979 года Афганистан, по словам тогдашнего президента США Картера, превратился «в величайшую угрозу миру со времен второй мировой войны»? В ту ночь Хафизулла Амин, известный на Западе как «ярый коммунист», всего четыре месяца назад пришедший к власти в Афганистане, был расстрелян за преступления против своего народа и «отправился к своим богам», как сказал бы Киплинг [7].

В самом Афганистане нашлось немного скорбящих о нем. Наоборот, когда стало известно о его гибели, на улицах Кабула начались веселье и танцы. Но вот что странно, в далекой стране США нашелся человек, который никогда не бывал в Афганистане и при всей своей ненависти к коммунистам теперь проливал слезы по «ярому коммунисту», да еще на публике! Такого плакальщика никто и ожидать не мог. Звали плакальщика Джимми Картер.

Действительно, почему капиталист до мозга костей Картер льет слезы по «ярому коммунисту» Амину? Удивительно, не правда ли? И не менее удивительно было слышать, как он же призывает весь «свободный мир» встать в почтительном молчании по случаю безвременной кончины Амина. Удивительно и то, что почтили молчанием человека, приложившего руку к убийству Дабса, посла США в Афганистане...

«Где же, черт побери, война?!» — вскричал Джим Галлахер из «Нью-Йорк дейли ньюс» в январе 1980 года. В его голосе слышались злость и разочарование. Он только что приземлился в Кабуле и увидел город, полный жизни, с интенсивным движением машин, автобусов, троллейбусов, толпами снующих людей... Другие иностранные корреспонденты, разместившиеся в лучшей гостинице Кабула — «Интерконтинентале», тоже были в некотором замешательстве и внятно на вопрос Галлахера ответить не могли.

А ведь именно от них, от прессы, Картер настойчиво добивался «создания мощного хора» обвинителей советского «вторжения» в Афганистан, и, конечно же, подразумевалось, что Кабул — столица страны — оккупирован войсками и повсюду бушует война.

Это была очень специфическая война. Это была война за войну. Это была война слов, призывавших перейти к войне снарядов и бомб. Это была война по заказу США. За ней послали, и она была доставлена по адресу. Война эта началась как серия художественных сюжетов на американском телевидении. И существовала сначала только в воображении миллионов американ-

цев, и только потом она стала настоящей войной.

Если бы не вмешательство Запада, никакой войны вовсе и не было бы.

Администрация Картера была заинтересована не в том, чтобы советские войска были выведены из Афганистана, а в том, чтобы они подольше там оставались. В такой ситуации Картер пожинал, как ему казалось, богатый урожай на политической ниве.

Но почему же русские согласились прийти в Афганистан? Они не могли не знать, что этот шаг разбудит осиное гнездо обвинителей, что их будут клеймить «империалистами» и «оккупантами»... Знали они или, по крайней мере, предполагали и то, что для Картера, выискивавшего оправдания, чтобы торпедировать процесс разрядки, подобный ход событий будет приятным сюрпризом.

Почему же русские пошли на это?

Если бы контрреволюция восторжествовала, последствия были бы крайне опасны. На южных границах СССР образовалось бы враждебное государство. В Афганистане началась бы вакханалия террора против крестьян, рабочих, интеллигентов, поддерживших и работавших на национально-демократическую революцию. Страна оказалась бы в социально-экономическом развитии отброшенной назад, в средневековье.

Официальным обоснованием ввода Советским Союзом ограниченного контингента своих войск в Афганистан был Советско-афганский Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, подписанный 5 декабря 1978 года[8]. А в Статье 51 Устава ООН, дающей определение агрессии, совершенно недвусмысленно говорится: «Настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации...»

Резолюция № 367 Совета Безопасности ООН, принятая 31 марта 1979 года, дает дальнейшее развитие этого положения, подчеркивая, что Совет Безопасности вновь подтверждает неотъемлемое и законное право любого государства с целью осуществления своего суверенитета обращаться за помощью к любому другому государству или группе государств.

Операции ЦРУ против революционного движения в Афганистане начались задолго до Апрельской революции 1978 года. Сотрудник государственного департамента США, выступавший в печати под псевдонимом Эйбель Бейкер, отнес дату начала прямого вмешательства ЦРУ во внутренние дела Афганистана к середине 1973 года.

На страницах «Нью-Йорк таймс» Эйбель Бейкер писал, что для понимания событий в Афганистане, среди прочего, совершенно необходимо провести «более детальный анализ как официальной, так и неофициальной политики США, а также шагов, предпринимаемых их союзниками в этом регионе в период между 1973 и 1978 годами по отношению к «склонявшемуся влево» режиму Мухаммеда Дауда».

Как утверждает Конрад Идж, кадровый сотрудник ЦРУ, еще в 1977 году ЦРУ сконцентрировало свое внимание на Афганистане. И на территории Пакистана был организован оперативный штаб для ведения подрывной деятельности.

Британский историк, писатель и в прошлом издатель «Лейбор мансли» Эндрю Ротштейн составил календарь событий, предшествовавших декабрю 1979 года, который с математической точностью доказывает, что контрреволюция к этому времени была пущена в действие, ее стратегия весьма тщательно разработана. Ротштейн в 1979 году указывал на то, что стало совершенно очевидным в середине 1980 года: новое фиаско (например, с планами Амина совершить контрреволюционный переворот) привело американских политиков в состояние, близкое к истерии. Всякая осторожность была отброшена.

Между тем еще в январе 1979 года «люто ненавидящие коммунизм мусульманские партизаны» уже сообщали корреспондентам «Дейли телеграф», что они осуществляют контроль над третью территории провинции Кунар, на границе с Пакистаном. И уже тогда они жаловались на нехватку оружия. Агентство Франс Пресс подтверждало, что мятежники ведут «настоящую войну» и что «на территории Пакистана уже созданы военные лагеря для подготовки мятежников». Французский журналист докладывал о посещении одного из таких лагерей, в котором 300 мятежников, расквартированных вблизи границы с Афганистаном в армейских казармах и под охраной пакистанской армии, проходят боевую подготовку.

Корреспонденты различных западных газет и журналов отмечали активность американцев в Пакистане, равно как и деятельность израильских, египетских и других секретных служб. Возможно, сами того не желая, а некоторые и умышленно, они разболтали о том, что происходило в этом районе мира еще до 27 декабря 1979 года.

Вмешательство ЦРУ во внутренние дела Афганистана осуществлялось «по прямому указанию президента Картера, под непосредственным руководством советника по национальной безопасности Збигнева Бжезинского и директора ЦРУ Стенсфилда Тернера»,— писал журнал «Ньюсуик» в 1979 году. Надежда на то, что мусульмане могут стать настолько яростными «муджахидинами», что вырежут под корень неверных марксистов со всеми их учениями, в одну ночь обратила большинство членов Совета национальной безопасности США в мусульман, включая баптиста Картера и воинствующего католика Бжезинского.

Перевел с английского
Н. ХАЛИП

Продолжение следует

---

[1] *Пакистан образован в 1947 году в результате раздела бывшей британской колонии Индии на два доминиона Пакистан и Индию.— Здесь и далее прим. ред.*

[2] *Речь идет о племенах, живущих ныне на границе Афганистана и Пакистана. В 1893 году, угрожая войной независимому Афганистану, Англия, не считаясь с волей народов, верная империалистическому девизу «разделяй и властвуй», поделила по так называемой «линии Дюранда» земли пограничных племен пуштунов и белуджей между Афганистаном и бывшей в то время английской колонией Индией.*

[3] *Премьер-министры и министры иностранных дел Великобритании, проводившие в жизнь политику колониальной экспансии.*

[4] *Апрельская революция 1978 года не нарушила равномерного течения жизни приграничных племен, и лишь разнузданная антиафганская кампания, развязанная под диктовку западных спецслужб, подогревала страсти, изображая пуштунов и белуджей жертвами новых революционных властей в Кабуле.*

[5] *Город на северо-западе Пакистана, где расположились руководители некоторых банд афганской контрреволюции.*

[6] *В связи с ростом масштабов агрессии против Афганистана СССР пошел на удовлетворение неоднократных просьб афганского правительства об оказании всесторонней, в том числе военной, помощи и согласился на основании Советско-афганского Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве направить в Афганистан в декабре 1979 года ограниченный советский воинский контингент для содействия афганскому народу в отражении агрессии извне.*

[7] *После того как в сентябре 1979 года был устранен генеральный секретарь ЦК НДПА Тараки, власть захватил Хафизулла Амин. Жертвой осуществлявшихся по его приказу репрессий пали испытанные партийные деятели, многие подлинные патриоты и демократы Афганистана. Авторитету Народно-демократической партии Афганистана был нанесен серьезный ущерб, что объективно играло на руку контрреволюции.*

[8] *Договор предусматривал право на коллективную самооборону в случае нападения извне.*

Рев садящихся и взлетающих реактивных самолетов. Аэропорт Джона Кеннеди, автобусы и такси, расхватывающие пассажиров, летящие навстречу зеленые и синие огромные щиты — дорожные указатели. И выезд на Гран-сентрал паркуэй — мощная картина движения автомашин: четыре ряда в одну сторону, четыре — в другую. Шум и шелест — и сосредоточенная тишина автострады. Врывающиеся в радиоприемник, захлебывающиеся, спешащие голоса дикторов и оттуда же, из радиоприемника, не имеющая отношения к дороге, но связанная с ней, выражающая ее музыка — как метроном дороги, ритма, темпа города Нью-Йорка.

Зрительный и звуковой образ движения. В нем все вместе и каждый — порознь, в своем металлическом микромире, отгороженный от остальных. Образ самодовлеющей, отрешенной, жесткой скорости, заставляющей думать об отчуждении, об отчужденности людей.

Промельком — внезапно возникающий с моста Трайборо и сразу же исчезающий, уникальный, единственный в мире небоскребный силуэт Манхаттена. Броско́м! Как фирменный знак Нью-Йорка.

Все так же без текста, лишь под музыку, парад парадного Нью-Йорка, один за другим его великие небоскребы. Одна архитектура. По возможности без людей. Молчаливые, гигантские, сверкающие плоды людского труда.

Вдруг после цвета, парада, величия — старые черно-белые кадры чаплинского фильма «Огни Большого города». Сцена открытия памятника. Отдергивают покрывало — под ним спящий бродяга. Почесывает ногу, еще толком не проснувшись, не понимая, что происходит вокруг. Смешно. За ним бегает полицейский, он — от него. Смешно. Опять цветные кадры, опять сегодняшний день. Памятник давно открытый и забытый, невидный, как все нью-йоркские памятники. Памятник, предположим, Данте. Суровое лицо поэта, знающего цену всему и вся. У подножия памятника на обыкновенной нью-йоркской скамейке — бродяга, он или она. В натуре. Несмешно. Одинокий. Где-то рядом полицейский, но они не бегают друг за другом.

После парада небоскребов, после сценки из Чаплина и бродяги у Данте — обыкновенная, лишенная какого-либо драматизма манхаттенская улица. Не великие, а обыкновенные здания. На экран выпущена обыкновенная толпа, обыкновенная мостовая, обыкновенный поток автомашин. Ненадолго. Как образ, как облик обыкновенного Нью-Йорка.

Плеск воды. Шум ветра. Река. Безлюдная набережная. Пустынное место. В кадре автор фильма. Идет синхрон.

— Это левый берег американской реки Гудзон. Там, на правом берегу, штат Нью-Джерси. А тут окраина города, который называется — Нью-Йорк.

Тихое местечко, не правда ли? В сезон у этой ограды пытают свою удачу рыбаки. На маленьком стадионе круглый год считают круги любители бега, которых в Нью-Йорке множество.

Но зачем здесь эта зеленая полицейская машина? На всякий случай. Как предостережение. Ведь это Нью-Йорк.

Зачем же пришли сюда мы с оператором Евгением Свешниковым? Почему именно это место выбрал я, чтобы начать свой разговор о Нью-Йорке?

С чего начинается заграница? С аэропорта. И еще с дома, в котором живешь. Тут, в двухстах метрах, за автострадой, дом, в котором я прожил когда-то шесть лет, работая корреспондентом «Известий» в Нью-Йорке. В районе, расположенном неподалеку, я обживал — пытался обжить — этот чужой, ожесточенный и влекущий город.

Воспоминания — как волшебные очки. Через них глядишь в прошлое. Правда, очки эти пригнаны по глазам. Другой может ничего в них не увидеть. Что говорит вам этот вид? (Вид на север по Риверсайд-драйв, от 74-й улицы.) А я населяю пустынную улицу картинками прошлого. По Риверсайд-драйв жена водила дочку в нью-йоркскую школу для советских детей. Школа тогда помещалась в старом трехэтажном здании на 86-й стрит.

Зачем я рассказываю об этом, очень личном? Власть воспоминаний? Да. И власть невысказанного. Отсюда, из Швабхауза, как газетчик я писал об общем — событиях, явлениях, проблемах. А личное томилось под спудом и сейчас рвется наружу. Нет, не потому, что выпячиваю себя, свое. Потому что нащупываю дорогу к телезрителю. Как дать ему почувствовать этот город, если он там не был и, может быть, не будет? Как? Рассказав о своих чувствах, ощущениях, пропустив все через себя и свой личный опыт. Даже при том, что очки подогнаны по глазам и могут не подойти другому.

Мы спешим и погоняем жизнь, и порою кажется, что она мелькает в темпе фильма — все новые и новые кадры, а подумать некогда. И вот для удобства рассказа хочется иногда останавливать мгновения, от движущейся ленты переходить к недвижным, пристальным фотоснимкам. Вглядеться в чужую жизнь. Она другая, чужая — даже по обличью. На ходу ее никак не понять, хотя и остановки не дадут магических открытий.

Я начал с жилья — Швабхауза. А продолжу, пожалуй, бытом. Продовольственные магазины — супермаркеты. Здесь они старые и маленькие, но перебоев не бывает, если нет перебоев с долларами. Драг-стор... Это знаменитые американские аптеки, где — дух американского новаторства — ассортимент не ограничивается медициной, учитывает потребности ума в детективных романах, желудка — в чашке кофе и яичнице с ветчиной, а вполне здорового тела, например, в кроссовках или пляжных резиновых шлепанцах. Быт здесь налажен давно и, как положено в Америке, сильно механизирован во всех своих мелочах.

А это что? Солидная скромная дверь. Всегда закрытая. Никакой броской рекламы. Его и без рекламы найдут те, кому он понадобится. Вернее, их родственники и душеприказчики. Это — похоронный дом. Конец пути. Место последнего прощания и с жизнью, и с городом, который продолжает шумно жить. Сверкающий черным лаком, внушительный катафалк. Похоронный кортеж машин на автостраде — его отличают по зажженным фарам. И как

ЛИКИ НЬЮ-ЙОРКА

Станислав КОНДРАШОВ

Опыт киносценария

уменьшенная копия Нью-Йорка, каменные джунгли кладбищ, молчащих среди ревущих автострад...

Каждая вещь, даже простая и знакомая на вид, несет в себе загадку не только города, но и целой страны, ее истории, общественной системы. Каждая вещь таит разгадку — и многое раскроет в городе, обществе, стране, стоит лишь в нее вглядеться, установить ее связи с другими вещами и, разумеется, людьми. С людьми чуть-чуть погодим. А в разгадках вещей начнем как от печки, предположим, от короткого и кургузого чугунного столба, который там и тут торчит у бровок нью-йоркских тротуаров, от гидранта, пожарного крана.

Гидрантов, как видите, много. Пожары в нью-йоркской жизни занимают куда как больше места, чем в московской. Нью-Йорк часто горит, привык к пожарам. Бой пожарных колоколов и, еще пуще, выворачивающее душу завывание пожарных сирен — лейтмотив в звуковой симфонии нью-йоркских улиц. Полицейские сирены и сирены «скорой помощи» — конкуренты пожарных. Все, что относится к пожарам, преступлениям, всяким сенсациям, у американцев поставлено со знанием дела.

Возле гидрантов всегда свободное место — по пять метров в обе стороны. Парковать автомашины тут запрещают. За авто, оставленное на гидранте, штраф 25 долларов. Может, сейчас и больше. Штрафы растут быстрее цен.

Союзники пожарных, гидранты крадут у автомобилистов место у обочин, и нигде за него не бьются так ожесточенно, как в Манхаттене, центральном районе Нью-Йорка. Где приткнуть четыре колеса? Еще в 20-е годы Америка вступила в век массового авто. По автомашине на каждых двух жителей — это давняя общеамериканская норма. В Нью-Йорке, может быть, и больше. В добавление к своим сотни тысяч авто через тоннели и мосты совершают нашествие на Манхаттен каждое утро, чтобы покинуть его вечером. Где припарковаться? Эта проблема в Нью-Йорке — головоломка номер один.

С автомобилем лишь тогда хорошо, когда его в меру. Американцы, можно сказать, выстрадали эту истину, но что такое в меру? Каждый считает, что меру нарушает не он, а его сосед.

И еще о гидрантах. Они помогают пожарникам, мешают автомобилистам и группируют вокруг себя... мусор. Вот как он выглядит — в изящных черно поблескивающих пластиковых мешках. На этот раз мусор скопился, потому что бастуют мусорщики — нередкое для Нью-Йорка событие. И потому что мусора в Америке много. Богатая страна. Мусор — это последнее звено технологической цепи в обществе, которое называют потребительским. В начале цепи — мода и реклама, два двигателя торговли. Мусора, отбросов много оттого, что много товаров и мода на вещи быстро меняется. Новое быстро становится старым, старое — выбрасывается. Чем быстрее старится новое, тем лучше для коммерции — обычной и духовной. В конце концов, обществу потребления больше всего годится то, что можно быстрее всего выбросить. Не в этом ли заключается секрет американского динамизма? В одной современной американской пьесе герой, скупщик мебели, говорит: «Какое теперь главное слово? Отделаться. Выбросить. Чем легче ты можешь что-либо выбросить, тем это лучше. Машину, мебель, жену, детей — все должно быть выбрасываемым. Потому что, видишь ли, главное сегодня — это купить, приобрести. Раньше несчастный человек не знал, что делать. Он шел в церковь, устраивал революцию. А теперь? Ты несчастен? Не знаешь, что делать? Отправляйся в магазин...»

Мусор — большое понятие, физическое и социальное, философское. Выбрасывают не только вышедшие из моды вещи, но и ненужных людей, и люди-мусор, зная свое место, тянутся к мусорным бакам, корзинам, мешкам.

Ах, если бы каким-то чудом попадало на киноленту все, что увидел человеческий глаз. Многое из увиденного остается лишь в памяти. Гуляя однажды вечером, я увидел: за грудой черных мусорных мешков, загороженная ими, стояла выброшенная кем-то кушетка, и на ней, сложив ноги калачиком, прижимая к груди сумочку, спала пожилая женщина. Картина была жуткая и жалкая. Жизнь выбросила ее, как и ненужную кушетку. Они нашли друг друга и друг другу пригодились — ненужная вещь и ненужный человек.

А вот у гидранта не мусор, а человек. Черным по белому человек сообщает, что умирает с голоду. «Не похоже»,— быть может, скажете вы, мельком глянув на него. Голодать, однако, можно не только без хлеба, но и без любви, сострадания, общения с людьми. Мелочью и даже долларовыми бумажками не заменить участливого человеческого слова. Так у подножия своих огромных домов, в шуме и гаме своей толпы Нью-Йорк вдруг заставляет задуматься о смысле жизни...

Кадры нью-йоркской Пятой авеню. Она выглядит пустынной, здесь много жилплощади на каждого жильца. Здесь обитают миллионеры и мульти, не подпольные, а зарегистрированные в налоговом управлении. Но что прочтешь об их жизни на фасадах этих солидных домов? Внутрь не пускают, остерегаются дразнить плебс, и лишь в голливудских фильмах жизнь богачей выставлена напоказ. На Пятой авеню не увидишь мешков с мусором, как будто тут избегают оставлять даже такие улики.

Но допустим, что нам открыли бы двери этих домов. Скорее всего мы увидели бы, что анфилады комнат в огромных квартирах пусты. Хозяева заглядывают в них ми-

моходом. Богачи живут в загородных имениях и на фешенебельных курортах, путешествуют на собственных яхтах и реактивных самолетах, с визами и без виз. Они космополиты, граждане всего мира, капиталистического. Открыта лишь бедность во всех ее лохмотьях и трущобах. В Гарлеме, в Южном Бронксе улицы как коммунальные квартиры. А крышей — небо, и в этом мало романтики. Бедняки — пленники этого города, откуда бы ни приехали сюда за американским счастьем. Глядя на парий Нью-Йорка, американскую жизнь постигаешь в ее неприкрытом естестве.

При господстве частной инициативы твоя жизнь в общем-то частное дело. Ты сам за нее отвечаешь. Чем сильнее культ миллионов, тем больше неудачников.

Отверженные Нью-Йорка — частые гости на нашем телеэкране, особенно сейчас, когда Рональд Рейган, президент для богатых, умножил их число. Есть что-то непостижимо жуткое в том, что люди эти не прячутся и не стыдятся. Прятаться? Стыдиться? Это все пройденные этапы их пути на дно. Они давно поставили на себе крест, одичали, озверели, роются в отбросах. Нью-Йорк и в этом смысле обнаженный и откровенный город.

Я помню, что раньше всего этого было меньше. Колонии отверженных, бездомных бродяг ютились в районе Бауэри с ее ночлежками и кухнями Армии спасения. В конце ноября, на День благодарения, самые длинные очереди выстраивались за даровой едой. Армия спасения спасала от голодной смерти, но на ноги редко кого ставила. В 60-е годы за пределами Бауэри или — для черных — Гарлема отверженные показывались нечасто. Они знали свое место и общество себе подобных. Лишь отдельные из них боязливыми лазутчиками проникали в благополучные кварталы Манхаттена, где жители натыкались на них в недоумении и оторопи, как на выходцев с другого света. К тому же в середине 60-х годов президент Линдон Джонсон провозгласил «войну с бедностью», обещав неминуемую победу, и дни несчастий, казалось, были сочтены.

Вышло по-другому. Несчастных стало больше. Через двадцать лет после провозглашения «войны с бедностью» в Соединенных Штатах только бездомных насчитывают больше трех миллионов. Но Джонсон давно умер, а с Рейгана какой спрос? Его называют Робин Гудом наоборот. Легче отправить человека на Луну, чем на Земле создать единое — и достойное — человечье общежитие для всех; хотя страна эта неимоверно богата и люди ее умеют работать, индустриальная мощь бездействует на одну треть. Три миллиона бездомных настолько рассеяны и психологически раздавлены, что не способны на какой-либо организованный протест. И это все тот же бездонный XX век.

Из бесчисленных нью-йоркских магазинов Мейсис на углу Бродвея и 34-й стрит называет себя крупнейшим в мире. В Мейсис есть все, включая 11 тысяч служащих, которые говорят на сорока языках. Для нью-йоркских детей — ради рекламы — Мейсис каждый год устраивает парад в конце ноября. Двадцатиметровые забавные фигуры любимцев детворы — Дональда Дака, Смита Клауса и других — плывут над толпами как раз в тот День благодарения, когда очереди несчастных стоят за дармовым обедом у благотворительных кухонь.

Как никакой другой американский город, Нью-Йорк славится театрами и кинотеатрами, музеями, картинными галереями.

Художественный музей Метрополитен войдет в десятку, а может быть, и в пятерку лучших сокровищниц мира. Более ста лет назад начало ему было положено частными коллекциями. За полотно, предположим, Рембрандта там могут сейчас выложить несколько миллионов долларов из фонда, тоже образованного преимущественно частными взносами. Доллар жалеет центы на бездомных под нью-йоркским небом, но не скупится, приобретая творения человеческого гения всех времен и народов, хочет облагородить себя в их компании.

Особая история — нью-йоркские мосты. Не забывайте, что город лежит рядом с океаном и изрезан его заливами. С 60-х годов первенство перешло к мосту, перекинутому через вход в нью-йоркский залив и названному именем Джованни Веррецано. Какая легкая, изящная дуга! А ведь длиной она более километра, и ее две опорные башни — высотой в 80-этажный небоскреб. Триумфальная арка, скроенная по меркам Нью-Йорка и поставленная там, где кончается океан и начинается город. На двух своих ярусах мост пропускает два десятка миллионов автомашин в год. Под ним проходят самые большие в мире океанские лайнеры. Но — все реже...

Пассажирские причалы на Гудзоне пусты, отданы под полицейские стоянки для увезенных машин автомобилистов-нарушителей. Прибывающих в Нью-Йорк встречает не статуя Свободы в гавани, а базарная сутолока аэропорта Кеннеди. Помните: тем лучше — чем легче выбрасывать. Выбросили за борт пассажирское судоходство, привычно повинуясь законам экономической необходимости, конкуренции, частной инициативы. Такова природа этого города и общества, породившего его: без задержек расставаться со всем, что не приносит долларов и, стало быть, превращается в обузу,— с полными сил людьми, с большими комфортабельными теплоходами. Нью-Йорк всегда готов к быстрым — и беспощадным — переменам.

Чем выше небоскребы, чем больше мосты, эти плоды артельного труда человека, тем меньше фигура самого человека у их подножия. И неспроста Чарли Чаплин свое классическое киноповествование об огнях большого города начал с жалкой фигурки бродяги. Как он, человек? Каково ему живется? Остановим еще раз его бег. Вглядимся в его лицо недвижными стоп-кадрами. Утренний марш клерков, спешащих в гигантские конторы банков и корпораций в Даунтауне; толпа и выхваченные из нее лица, уверенность, довольство, озабоченность. По контрасту — стоп-кадры очередного сумасшествия на Нью-Йоркской бирже, разинутые в крике рты, вскинутые руки, вытянутые в беге фигуры, недвижное — и снова бешено застучавшее кабалистикой цифр табло биржевых курсов. Школьники, играющие за решетками школьных площадок,— детская развинченность, безоглядное веселье, и вдруг сквозь круглощекость, неоформленность детских лиц пробивается решительно-жесткое, взрослое выражение. Строители — здоровые ребята в касках, в рабочих робах и толстых башмаках, четко и бесстрашно делающие свое дело на любых высотах. Старички — пленники города, с его жесткой печатью на лицах, их живая жизнь, по Тютчеву, «давно уж позади», потерянные и покорные судьбе, где-нибудь на улице, у продмага или овощных лотков, на скамейке чахлого пыльного сквера между потоками машин. Полицейские — дюжие, в темно-синих бушлатах или летних рубахах; неспешно показать их снизу доверху, от башмаков на толстых подошвах: широкий добротный ремень, оттянутый на ягодицы тяжестью кольта в открытой кобуре, связки ключей, квитанционная книжка; с дубинкой в руке и бдительным взглядом укротителя зверей, надсмотрщика в зверинце.

Зверинец в Центральном парке, смотрители в зверинце (не такие настороженные, как полицейские), дети и взрослые с мечтательными улыбками, глядящие на зверей — белых медведей, львов, красивых жирафов, моржа в бассейне и гориллу, орангутанга, шимпанзе с их темными зверино-тусклыми взглядами на людей. Возницы на высоких облучках фиакров перед въездом в Сентрал-парк на площади Плаза. Нахальные виртуозы таксисты и виртуозы водители тяжелых грузовиков, мастерски вгоняющие свои вагонообразные прицепы в щели складов на узких улицах. Уличные торговцы. Уличные музыканты — негры и белые — и их слушатели, на мгновения отключившиеся от своих дел. Любители бега трусцой в спортивных трусах и кроссовках среди обычной деловой толпы. Многонациональность Нью-Йорка — негритянские дородные матроны в Гарлеме и шустрые черные мальцы, типажи из пуэрто-риканского Гарлема, старики китайцы в Чайнатауне у ларьков с причудливыми китайскими овощами и кореньями, барахолки в районе Орчард-стрит, захолустье Брайтон-бич. Галерея осмысленных лиц людей, сидящих в теплый субботний день на широких ступенях парадной лестницы музея Метрополитен.

И снова широкий захват улиц и домов, шум и гам, образ движения, движущийся образ города — толпы лю-

дей, толпы машин, зевы тоннелей, ленты автострад, парад витрин. Впечатление отчужденности и отрешенности: все вместе, все рядом — и каждый сам по себе.

На языке экономики это называется частная инициатива, а с точки зрения духовной — буржуазный индивидуализм. Не забывайте: Нью-Йорк — это город иммигрантов из десятков стран, и многих сюда толкнула именно закваска индивидуалистов — локтями пробиться к лучшей жизни. К тому же индивидуализм — это и способ самосохранения в царстве человеческого отчуждения, возможность безболезненно наслаждаться материальными и культурными сокровищами города, отвернувшись от его язв и его обездоленных...

В некотором смысле все пути ньюйоркцев ведут, как это ни банально, на Бродвей. На севере по вечерам он огражден испуганной пустотой Центрального парка. И с юга тоже обрывается пустотой. Взорвавшись сиянием 42-й стрит, вечерний Бродвей упирается на юге в пустынную тьму торговых кварталов, где днем кишмя кишат люди и машины, а вечером лишь железные решетки на дверях и витринах, молчаливые манекены, бдительные сторожа и сигнальные системы.

Великий Белый путь подмигивает миллионами своих лампочек и трубочек: чего уж проще, я весь на виду, весь наружу. Вечерний Бродвей по-павлиньи пышно распустил хвост своей рекламы. А что, кроме хвоста, есть у этой птицы? Зрелища! В огненных берегах течет людская река. Оробевшая заграница, сотнями путей попавшая в Нью-Йорк. И своя доморощенная провинция любопытствует, как живет и чем развлекается современный Вавилон. Молодые парочки опасливо ныряют в бродвейскую реку, а темные личности, завсегдатаи, как рыбы в воде. Вот один из них. Зачем торчит на тротуаре? Чем торгует? Чем прельщает прохожих?

И патрульные полицейские предупреждающе раскручивают свои дубинки. Их глаза, как пограничные прожекторы, не спеша обшаривают горизонт.

Вот перекресток Бродвея и 42-й улицы. Главный перекресток мира, как нарекли его американцы. Кто за этими беспощадно освещенными лицами? Они не прогуливаются, они работают на ярмарке темных страстей и пороков.

Просто пройти по 42-й улице, между Бродвеем и Восьмой авеню, под прицелами их взглядов — уже испытание на выдержку.

Может быть, среди злачных мест мира этот главный перекресток и впрямь держит рекорд — по густоте электросвета и по интенсивности человеко-тьмы на квадратный фут площади?

Вульгарные кинотеатры, порномагазины, завсегдатаи с лицами подонков — все это существует для праздной толпы. Толпа — повелитель Бродвея. Исчезни толпа, погаснут его огни. Но она не исчезает, потому что толпа — раб Бродвея. Он властвует над ней, разделяя ее своими зрелищами.

Он берет ее в плен по частям, призывая себе в союзники материальное изобилие вещей и духовную скудость человека, взращенного «массовой культурой». Приметами века и разветвленной международной торговли Бродвей заполнен сверху донизу — от неоновых ожерелий рекламы до днищ своих витрин. Эбеновые божки из Кении, ацтекские маски, гонконгская посуда — планета неравнодушна к доллару. Фотоаппараты и кинокамеры, стереосистемы и транзисторы, электронные часы и калькуляторы, портативные телевизоры и видеомагнитофоны — поразительные чудеса техники. Бродвей умеет превращать их в подобие амулетов на шее дикаря: сгинь, злая сила неприкаянности, скуки и пустоты существования, с нажатием кнопки, с ревом музыки, с мельканием картинок на телеэкране!

Технически век силен и обилен, а духовно человек слаб и убог — на это ставка Бродвея.

И рядом с проституткой, с подонком обязательно стоит на углу и праведник, и в руках у него листочки с проповедями о спасении души. Он утверждает Иисуса Христа, которого вновь и вновь распинают на бродвейских киноэкранах и всей бродвейской коммерцией.

Исчезаем в дыре подземки. Оживление толпы, пиршество огней пропадают. Турникет, ступеньки вниз, платформа, унылая окраска столбов и стен, и люди в ожидании поезда; они держатся ближе к свету, настороженно поглядывают друг на друга. Поезда долго нет, ожидание все тревожнее. Наконец с железным грохотом влетает состав, все вагоны его измазюканы краской. Люди садятся туда, где людно, избегая пустых вагонов, поезд набирает скорость, и вот под домами и улицами тряска вагонов, грохот вагонов, людское молчание...

Нью-Йоркский Центральный парк. Натуральный шелест ветра в листве, почти тишина, отдалившийся гул города и его автомобилей. Большая пустынная лужайка. Синхрон с участием автора:

— Там, на севере, лежит Гарлем. Слева, на востоке,— богатая Пятая авеню. На юге — тоже далеко не бедные дома и отели.

Со всех сторон город со всеми его преисподнями, со всеми поднебесными этажами. С гимнами человеческому труду и проклятиями человеческой корысти. С тайнами и страстями чужой жизни — их нелегко разгадать и раскрыть. Вспоминаются слова Пушкина: «Там люди, в кучах за оградой, не дышат утренней прохладой, ни вешним запахом лугов; любви стыдятся, мысли гонят, торгуют волею своей, главы пред идолами клонят и просят денег да цепей...»

А тут — Центральный парк. Каким чудом он сохранился, большой и нетронутый, среди этого шумного города, где каждый квадратный метр земли может стоить десятки и даже сотни тысяч долларов?

Наверное, потому, что человек не может жить без природы и поэзии. В городе он звереет, а здесь приучает белок, и они не боятся людей в этом центре Нью-Йорка. Белкам безопаснее, чем людям. Во всяком случае, они не уходят отсюда с наступлением темноты.

Сейчас здесь пустынно. Но бывают дни — и они запоминаются надолго,— когда эта лужайка становится форумом, местом народного веча...

На экране кадры полумиллионной манифестации, которая состоялась в Нью-Йорке в июне 1982 года накануне открытия специальной сессии ООН по разоружению. Люди с плакатами заливают улицы города, Центральный парк. На той же большой лужайке проходит главный митинг. Вот она, совсем пустая, и вот лужайка — человеческое море. Плакаты над морем говорят, зачем сюда пришли люди: они не хотят безумия гонки вооружений, не хотят ядерной войны.

— Трудно узнать эту лужайку, на которой я только что стоял в одиночестве. Она преображена сотнями тысяч людей и одной заботой, которая привела их сюда в этот теплый июньский день. Они устали от гонки вооружений и страха, от чудовищного термояда. Святая жажда жизни, желание жить самим и продолжать жить в своих детях и внуках, в вечной цепи человеческого рода привело их сюда.

И это желание объединяет нас с ними.

У средневекового английского поэта Джона Донна есть строчки, которые американский писатель Хемингуэй поставил эпиграфом к одному из своих романов. «Ни один человек не есть остров. Каждый человек — это часть континента»,— писал Джон Донн.

В век ракетно-ядерный мысль поэта звучит пророчески. Даже континенты перестали быть островами, изолированными и неуязвимыми. Что общего между нами и американцами? Живем разной жизнью в разных полушариях. Но дилеммой войны и мира мы связаны нерасторжимо. В трагическом смысле мы очень близки — ведь межконтинентальная ракета летит каких-то полчаса. Мы связаны исторической ответственностью за будущее человечества и должны быть на уровне этой ответственности...

Последние кадры: воскресный пустой город, как бы обнажившийся в своих улицах, красивый и грустный. Редкие машины. Где-то вдалеке, негромко, завывания полицейской сирены. Набережная Гудзона, появлявшаяся в начале фильма. Ветер сгребает осенние листья и колышет пустые детские качели.

Алла ГРАЧЕВА

ЦВЕТ ЛЮБВИ

Гёте говорил, что понять художника можно, лишь изучив его «страну». Страна, созданная Марком Шагалом, удивительна и фантастична, как сказка, реальна и осязаема, как жизнь. В основе мира, сотворенного Шагалом за восемь десятилетий,— обыденная жизнь скромных обитателей Лиозно, витебского местечка, где художник родился 7 июля 1887 года, провел детство и юность.

Сам Шагал так описывает свою «страну»:

Единственная страна — это та,
что живет в моей душе.
Я вхожу в нее без паспорта
как в свой дом,
И, видя мое одиночество
и печаль,
Она убаюкивает меня и
укрывает душистым камнем,
И во мне расцветают сады
с невиданными цветами,
Вырастают улицы без домов —
они разрушились
еще в детстве,
Их обитатели парят в воздухе
и в поисках убежища
Поселяются в моей душе.

Вот почему я смеюсь, едва
засветит мое солнце,
Или плачу как дождь,
моросящий в ночи.

(Перевод с французского)

Шагал с детства писал стихи и мог стать поэтом. Но он стал художником, поэтически выражавшим свои чувства в живописи. Его полотна с их кажущейся наивностью, детской непосредственностью, тягой к лубочной красочности, отсутствием обычных пропорций и перспективы — полотна, на которых влюбленные парят в нежном объятии над землей, скрипачи играют, сидя на крышах, лошади и коровы прыгают через луну, а крылатые часы, рыбы, танцующие петухи носятся в синем небе,— все эти композиции, с виду невероятные, слишком смелые и необычные, у Шагала совершенно естественны и неизбежны. Его поэтический мир освещен пронзительным романтизмом, восхищением красотой и неоглядностью жизни.

На стыке различных живописных школ и мира поэзии художник стал открывателем новой галактики, которую Анна Ахматова назвала «волшебный Витебск», и силой своего таланта сумел увлечь и удержать нас в ней.

«Волшебный Витебск» во времена Шагала был сгустком «скучной, пришибленной, неуклюжей жизни пригородного мелкого люда на Литве», и лишь неистовое воображение помогло мечтательному юноше, соприкоснувшемуся с искусством, вырваться из тисков обыденности.

Луначарский назвал Шагала «маленьким Гофманом околовитебских трущоб»: нищий местечковый быт художник пишет со всем жаром сыновней любви, магически превращая его в фантастический мир. В этом мире все случается, все возможно, здесь правит закон чуда. «Потому-то проникнуть внутрь его искусства, не разбиться о скорлупу можно, лишь разбудив в себе остатки детских снов и воскресив в душе те забытые ощущения, когда в нас жила боязнь темной комнаты... Шагалу нужен такой же верующий в него зритель, как Гофману; его зритель должен уметь так же отдаться необычайности его образов и видений, так же довериться их особой логике, как умеет он отдаваться течению гофмановских вымыслов».

Ранние работы Шагала — до предела обнаженный рассказ о простых событиях в витебском пригороде, но они обретают у него загадочный облик. Вот движется свадебная процессия — жених с невестой, музыканты, старик со старухой — по улице, взбирающейся ввысь; вот посреди той же улицы под нахмуренным небом лежит покойник в саване, и женщина слепо рванулась в горести и отчаянии, а на крыше избы скрипач выводит рвущую душу мелодию — это «протокол быта, но какой диковинный облик у всего: как в детских рисунках, люди больше домов, ибо люди важнее домов, и круто вздыблена перспектива улочки, ибо иначе не всех будет видно,.. а можно ли не показать нам чего-либо в этом лиозненском раю, вплоть до фонаря, как факел возвышающегося над шествием?.. И мы не удивимся, если вся процессия вдруг поднимется на воздух и там будет продолжать пиликать скрипач, и жених поведет невесту,— мы не удивимся потому, что перед нами «жизнь в чуде»,— писал о полотнах Шагала известный советский искусствовед А. Эфрос.

«Нужно сильно потрясти детские чувства, и тогда они надолго сохранят все прекрасное»,— говорил Гоголь. Прекрасные воспоминания детства

На снимках работы М. Шагала: «Серый дом». «Зеленый скрипач».

навечно сохранились на полотнах Шагала. Случайность или судьба привела мальчика из бедной семьи в школу живописи и рисунка Пэна — единственную художественную школу в Витебске. Пэн не мог многому его научить, но он привил ему восхищение искусством, за что Шагал был благодарен своему учителю всю жизнь. Спустя годы, когда в 1918 году Шагал станет уполномоченным по делам искусств в Витебске и откроет там революционную художественную школу, он пригласит своего старого учителя преподавать в ней вместе с известными художниками Малевичем, Добужинским, Лисицким, Пуни. Рассказывают, что ученики школы расписали все заборы и вывески города шагаловскими коровками и свинками.

Ученичество самого Шагала продолжалось в Петербурге, куда он отправился в 1907 году, не имея ни денег, ни пристанища, ни друзей, с бесстрашием человека, определившего свой путь в жизни. В течение двух лет он посещал школу при Обществе поощрения искусств и студию живописца, графика и театрального художника Бакста. Ему приходилось снимать углы или ночевать в редакции газеты, которую издавал Макс Винавер, его богатый покровитель. Он и помог Шагалу в 1910 году поехать в Париж совершенствоваться в живописи.

Здесь, в столице мирового искусства того времени, 23-летний провинциал не оробел перед вождями кубизма, Пикассо и Аполлинером, а приспособил кубизм к своим потребностям. Пикассо говорил о Шагале, что, когда тот рисует, неизвестно, пребывает ли он во сне или наяву. «На куске разорванной простыни или рубахи Шагал своими «поющими» красками лихорадочно смешивал сон с явью... видения витебских окраин под снегом с накренившейся Эйфелевой башней или призрачные башни Нотр-Дам... человеческие тела каких-то зловещих петухов — с добрыми и грустными коровьими мордами, мирные самовары — с летящими по воздуху... часовыми маятниками, свадебными букетами, горящими свечами».

Шагаловская вселенная не знает земного притяжения, и его персонажи часто парят в вышине в счастливом полете. Художник будто и сам развернул крылья, чтобы обозреть мир с высоты, увидеть его головокружительную красоту. По его словам, он чувствовал, что мир стоит вверх дном, что во всех людях есть некая тревожащая сила, поэтому его персонажи оказались в небе задолго до космонавтов.

Необычные картины Шагала — «Париж сквозь окно», «Погонщик», «Невеста» — принесли ему известность в Париже, он стал выставляться в «Салонах». Первыми и самыми горячими почитателями его таланта были поэты Гийом Аполлинер, Блез Сандрар, Макс Жакоб. Французский писатель Андре Бретон считал картины Шагала «грандиозным лирическим взрывом, завораживающим зрителей». Аполлинер, посетив мастерскую Шагала в «Ла Рюш», убогом общежитии художников, назвал его живопись «сверхъестественным реализмом». Он же помог ему устроить выставки картин в Берлине и Амстердаме. За этими выставками последует множество других. Живопись Шагала «медленно и прочно затопила мир загадочной славой». Спустя полстолетие, в 1973 году открылась выставка графических работ Шагала в Москве в Третьяковской галерее.

Встретившись с Шагалом в 20-х годах, А. Эфрос писал о нем: «У Шагала доброе лицо молодого фавна, но в разговоре благодушная мягкость порой слетает, как маска, и тогда... серо-голубая ласковость глаз слишком часто сквозит яростью странных вспышек, прозорливых и слепых вместе...— собеседник, вероятно, отражается каким-то фантастическим образом в зеркале шагаловских глаз, и, быть может, потом узнает себя в одном из зеленых, синих, красных, летающих, взвихренных, изогнутых, выкрученных людей — на будущих картинах Шагала».

Его картины, разные, как и сама жизнь художника, над которой пронеслась революция и прогремели две мировых войны,— отразили всю гамму человеческих чувств: смятение, тоску по родине, чистоту и пылкость любви, боль потерь, жизнелюбие, лукавство, веру в добро и разум человека.

«Наперекор всем трудностям нашего мира во мне сохранилась часть той одухотворенной любви, в которой я был воспитан, и вера в человека, познавшего Любовь. В нашей жизни, как и в палитре художника, есть только один цвет, способный дать смысл жизни и Искусству. Цвет Любви».

— Что же вы все-таки хотите от меня узнать! — удивлялся Шагал, когда у него в 1971 году брали интервью для французского радио.— Я пишу картины, и на моих картинах, если вы чувствуете их, есть все. Мне нечего добавить.

Семья, друзья детства, невеста, улочки, дома Витебска так часто встречаются на его полотнах, что все творчество Шагала можно назвать гимном любви к родным местам. Всю свою долгую жизнь — Шагал прожил 97 лет — он умиленно воскрешал в живописи каждую деталь своего детства. Художник создал сотни полотен, и каждое из них «точно объятие, протянутые руки к тому, что он увидел на родине. Он изощряет и расточает всю тонкость и нежность своего изумительного колорита и благородство изысканного рисунка, чтобы достойно запечатлеть этот лик... отчизны».

В сущности, Шагал никогда не расставался с Витебском и его обитателями. Воспоминания об акробатах на улицах, скрипачах, мужиках в картузах, покосившихся избах, золотых луковицах церквей, самоварах, взлелеянные в душе художника, ожили на стенах «Метрополитен-оперы» и Линкольн-центра в Нью-Йорке, театра «Уотергейт» в Лондоне, в витражах соборов Меца, Реймса, Цюриха, здания ООН. Андре Мальро, французский писатель и тогда министр культуры Франции, считавший Шагала величайшим из живописцев своего времени, поручил ему в 1964 году расписать плафон парижской «Гранд опера». Персонажи опер Вагнера, Дебюсси, Моцарта, богини, кен-

тавры, несущиеся в сказочном вихре, украсили плафон оперы. Сам художник называл их «гигантское гнездо химер».

«Нужно работать, неустанно работать. В любой профессии работать нужно на пределе, отдаваясь ей целиком. Не ради денег — ради качества. Качество придает смысл жизни. Насколько молодые люди были бы счастливее, если бы умели работать по-настоящему. Думаю, что сегодня им не хватает именно этого» — так говорил Шагал, неустанно трудившийся три четверти века и оставивший после себя громадное художественное наследие. Ему, как и Пикассо, казалось, удалось объять необъятное. Шагал оставил заметный след почти во всех изобразительных жанрах. Особенно охотно он занимался графикой — она не была побочным видом его творчества. Напротив, считают, что Шагал-график воспринимается острее Шагала-живописца, что его графика выкристаллизована до последней степени, найдена им безусловно и окончательно. Графические работы — оформление басен Лафонтена и Библии, иллюстрации к поэме Гоголя «Мертвые души» — были заказаны Шагалу Амбруазом Волларом. Обладавший безошибочной интуицией коллекционер («Ровесник» публиковал его записки в № 1 за 1986 год.— *Ред.*) и на этот раз оказался провидцем. Кто, как не Шагал, пожизненно «прикованный» к Витебску, мог лучше выразить чувства Гоголя, восклицавшего в письме из Рима, где он писал «Мертвые души»: «Непреодолимой цепью прикован я к своему. Ни одной строки не мог посвятить я чуждому!» Кто, как не Шагал, на полотнах которого — вспомним «Зеленого старика» — обитатели лиозненского местечка вырастали в громадные национальные фигуры,— кто, как не он, мог понять дух поэмы Гоголя, где «все обыкновенно: и герой, и местность, и масштаб», и его идею преображения ничтожного в великое?

И кто, наконец, мог лучше передать «сам запах России, так и тянущий с каждой строки этой поэмы», как не художник, все искусство которого пропитано волнующим запахом родины?!

«Единственная страна — эта та, что живет в моей душе...»

Йорн и Саша почти целую неделю готовились вместе к экзамену по математике. Йорн, как всегда, относился к занятиям немного серьезней, чем Саша. Он учился лучше. Пришел день экзамена. Саша пошел сдавать пéрвым. Он получил единицу (единица в школах ГДР соответствует нашей пятерке, двойка — четверке и т. д.— Ред.) и был, конечно, очень рад. Он подбежал к Йорну и сказал: «Слушай, я так волновался, а мне приходили в голову вещи, до которых я и во сне не мечтал додуматься!»

Йорн не мог разделить его радости: он плохо спал, был бледен и чувствовал себя нехорошо. Когда он вышел с экзамена, было видно, что он разочарован и печален. «Я еле-еле выкарабкался, то, что я знаю, так и осталось у меня в голове».

Он, рассчитывавший только на единицу, с трудом получил тройку...

РАЗЛИЧНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ СТРАХА. Страх перед экзаменом может оказывать на разных людей прямо противоположное действие. Саша, например, прыгнул выше головы. Большинство из нас знакомо с таким воздействием страха перед спортивным выступлением, перед докладом в большой аудитории. Определенная степень возбуждения прибавляет нам силы. Но если такое возбуждение чересчур велико, оно парализует наши мыслительные и творческие способности и блокирует память. Так случилось с Йорном.

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ СТРАХ? Почти каждому знакомо чувство страха. Чтобы описать его, говорят: «ужас», «волнение», «напряжение», «лихорадка», «паника», «отчаяние», а также «стресс». Большинство этих слов имеет негативную окраску. Страх, так же как ярость, гнев и раздражение, называют «негативным чувством». Но это больше, чем чувство,— это состояние, охватывающее всего человека. Оно влияет буквально на все жизненные процессы: сердцебиение от страха, побледнел от страха, от страха пересохло во рту, задрожал от страха, подгибаются ноги, весь вспотел от страха...

Затянувшиеся надолго негативные эмоции ощутимо нарушают жизненные функции организма, что может привести к болезни. Особенно подвержены таким заболеваниям люди, которые не умеют правильно воспринимать возникающее в них чувство страха.

СТРАХ — ЧАСТЬ ЖИЗНИ. Так же, как и боль, он играет роль предупреждающего, оберегающего жизнь сигнала. Пренебрежение этим сигналом не остается без последствий!

То, что страх непременно означает трусость и безнравствен с моральной точки зрения,— это тяжелое, а иногда и трагическое заблуждение. Можно быть мужественным, испытывая страх, и можно быть трусом, не испытывая.

Молодые ребята думают часто, что не знать страха — это и есть настоящая «мужская доблесть». Нет, это только бездушное клише. Например, нет ничего стыдного и необычного в том, чтобы бояться высоты. Страх побуждает бежать от нее или предпринимать иные защитные меры, а в этом ведь действительно нет ничего неразумного. Но может случиться, что при определенных обстоятельствах страх почти полностью подавляет человека. Он боится выглянуть из окна, перейти через мост или подняться на лифте. Психические связи могут быть очень сложны, но все время работает один и тот же механизм — механизм избегания. В стремлении уклониться от ситуации, вызывающей страх, человек начинает избегать и всех похожих ситуаций — возникает замкнутый круг, из которого трудно вырваться.

Отдельная проблема — страхи, возникающие при общении людей друг с другом. Боязнь критиковать кого-то и боязнь открыто защищать свое мнение, страх идти на конфликт и принимать на себя ответственность. Человек смиряется со всем, идущим от других, со всем соглашается, презирая себя за это, и испытывает глубочайшую неудовлетворенность. Очень часто за таким поведением скрывается страх сделаться нелюбимым, особенно теми людьми, которых человек любит сам. Подобная жизненная тактика приводит к тому, что становятся невозможны истинно человеческие, равные отношения.

КАК ПОБЕДИТЬ СТРАХ? Прежде всего раз и навсегда надо понять, что страх знаком каждому — он такая же часть жизни, как боль, радость, счастье или неудача. Но нельзя позволить страху диктовать, как жить, и избегать всех ситуаций, внушающих это чувство,— тогда жизнь станет невыносимо скучной. Даже великий Гёте одно время испытывал страх большой высоты. Он преодолел этот страх, шаг за шагом поднимаясь все выше и выше: пример, достойный подражания! Есть два способа преодолевать страх: шаг за шагом продвигаться в ту сторону, откуда исходит опас-

ность, или решительно вступить с ней в прямой бой.

Пусть оба пути трудны. Но тот, кто преодолел страх, становится уверенней в себе, свободней, независимей. И бороться со страхом может каждый. А тем, кому, подобно Йорну, трудно сдавать экзамены, кто от страха и волнения забывает все, что знает, возможно, будет полезно знать следующие правила: 1. Время, отведенное на подготовку к экзамену, использовать интенсивно и с самого начала. 2. В день, предстоящий экзамену, заниматься только до обеда, потом отдыхать, заниматься привычными делами. 3. Во время экзамена концентрировать мысли на конкретном вопросе, не думать об отметке, о честолюбивых планах, о том, как выглядишь в глазах людей. И еще: не пытайтесь во что бы то ни стало показать лучший результат.

ВАШЕ МНЕНИЕ?
ВАШЕ МНЕНИЕ?
ВАШЕ МНЕНИЕ?

НЕ БОЙТЕСЬ СТРАХА!

Кристоф ГАЙСЛЕР,
психолог (журнал «Нойес лебен», ГДР)

А. ПОЛИКОВСКИЙ

СОВЕТЫ НЕУВЕРЕННОМУ ДРУГУ

Мы еще только вступаем в жизнь, а соревнование уже идет полным ходом. Контрольные, экзамены, столкновения характеров, душ, кулаков и творческих способностей: кто умнее? кто сильнее? кто смелее? Мы еще только едва-едва вылупились из защищающей скорлупы родительской любви, а нам уже мало что прощают в школе, в институте, в жизни: за кляксы ставят двойки, за ошибку в уравнении называют неспособным, за природную робость сразу наклеивают ярлык труса.

Как же нам быть? Как не потерять веры в себя? Как противостоять этому нажиму жизни и все-таки добиться своего? Как не отчаяться, не поставить на себе крест, не упасть духом, когда неудачи сыплются словно градины?

Прежде всего не верьте тем, кто пугает вас катастрофой. «Если ты сегодня не сдашь экзамен на «пять», твоя жизнь разбита». Ерунда. Получить «три» по контрольной, не поступить в институт, снискать неодобрение учителя или начальника, конечно, неприятно. Но это не катастрофа. И вы можете сказать себе, что вы, по крайней мере, попали в неплохую компанию. Писатель Иван Бунин остался на второй год; художник Сезанн был признан неспособным к живописи; летчик Чкалов, прежде чем стал героем страны, был наказан за воздушное хулиганство. Что стало бы со всеми ими, если бы они отчаялись, упали духом и отказались от своего?

Какое бы испытание вам ни предстояло, знайте — при любом сегодняшнем исходе завтра вы вправе все начать сначала. А раз так, то не надо волноваться сверх меры: имейте жизненный масштаб. Сколько лет у вас впереди? Лев Толстой начал новую жизнь в восемьдесят два. Попробуйте взглянуть на то, что происходит с вами сегодня, вашими же завтрашними и послезавтрашними глазами: действуя, будьте молоды и решительны, а осмысляя, глядите на себя с мудрой улыбкой, с мягким юмором старости. Частью своей души живите в будущем, когда все сегодняшнее отойдет, отболит. Это освободит вам нервы.

Вы боитесь? Неустанно, день и ночь, вас грызет маленький жестокий зверек — страх не смочь, не справиться, не успеть, не суметь, не понять? Вам страшно не осуществить надежд, возложенных на вас, оконфузиться в глазах людей, неудачно стартовать в жизни?

Спокойно. Расслабьтесь. Жизнь — не спринт, а марафон. В ней нужна выносливость. Проигравший первые километры не проиграл ничего, если продолжает бежать. И не верьте тем, кто требует от вас успехов во всем, успехов любой ценой, успехов в математике и биологии, вольной борьбе и игре на скрипке. «Ты должен, должен, должен!» Нет, это не так, даже если это говорят люди, желающие вам добра. Не бегите по всем дорожкам сразу, не пытайтесь сорвать сразу все яблоки в саду. Участвуйте только в тех соревнованиях, в которых вы сами решили участвовать.

Будьте любопытны. Робинзон Крузо выжил на необитаемом острове, так неужели же вы не выживете там, куда попадете после своей очередной неудачи? Не воспринимайте то, что происходит с вами, как мировую трагедию. Победы и поражения равно обогащают вас, если вы относитесь к жизни с интересом и получаете от нее удовольствие. Имейте вкус к приключениям и не думайте, что они бывают только у Дюма и Дрюона. Наша жизнь исполнена приключений, но только не надо убегать от них и бояться испытать себя. Если вы уверены в своей правоте, вступайте в конфликт безбоязненно, даже когда шансы на успех равны одному из ста. Но надо же иметь что-то, что мы будем рассказывать внукам.

Не бойтесь ни клякс, ни ошибок, ни собственных чувств. Рискуйте. Живите.

А. АНИН

«Хотим плейер!»

Я встретил его в Москве на Большом Каменном мосту. Ему было лет двадцать. Легкая голубая курточка, джинсы, кроссовки. На голове у него были маленькие черные наушники, на груди висел плейер. Я подошел, представился и попросил ответить на мои вопросы.

Владельца плейера звали Сергей Кудинов. Он учился на третьем курсе одного из московских вузов. Магнитофон японской фирмы «Тосиба» купил в комиссионном магазине за 150 рублей. Что дает ему плейер? «Можно музыку слушать, когда хочешь и где хочешь. Приятно...»

Он улыбался, смущаясь этого внезапного уличного блицинтервью. Был немногословен. Но о магнитофончике своем говорил с любовью. «Я к нему привык, не расстаюсь с ним целый день. Плейер — хорошая вещь...»

Первый в мире плейер был выпущен летом 1979 года японской фирмой «Сони». Это была модель «Walkman», давшая название всему классу этих аппаратов. Walkman по-английски — пешеход. Это был магнитофон размером с ладонь и весом всего 390 граммов с диапазоном частот 40—12 000 герц. Он не мог записывать музыку, а мог только воспроизводить ее через мини-наушники, весившие 45 граммов. Магнитофон легко можно было носить в кармане или на ремне через плечо. За полгода было продано 130 тысяч штук.

Специалисты по изучению спроса полагали, что имеют дело с кратковременной вспышкой моды. Но ход дел убеждал в обратном. Все новые и новые японские фирмы начинали производство плейеров. В 1980 году их было продано на японском рынке миллион штук. Еще 250 тысяч ушли на экспорт. Спрос не падал, а, наоборот, возрастал...

В начале 80-х годов на рынке появились плейеры второго поколения. Большинство из них обеспечивали не только воспроизведение, но и запись звука, имели системы шумоподавления и автореверс. Уменьшались размер и вес: плейер «Cassette Boy» фирмы «Айва» весил всего 230 граммов, а плейер «Walkman WM-2» фирмы «Сони», выпущенный в феврале 1981 года, стал самым маленьким магнитофоном мира — он был чуть больше десяти сантиметров в длину. Появились плейеры для занятий спортом в особых жестких футлярах, на которых не сказывалась вибрация; с ними можно кататься на коньках, на лыжах и водных лыжах (плейер «Swim Man» фирмы «Сони» во время испытаний полчаса проработал в воде на глубине полутора метров). Появились и плейеры, в которые вместо кассеты можно было вложить радиоприемник, выполненный в виде кассеты,— аппараты такого рода получили название «кенгуру».

Когда возник покупательский интерес к плейерам у нас в стране, с большой точностью сказать трудно. Министерство торговли СССР изучает спрос только на товары, которые производятся нашей промышленностью. «Года три назад,— подсказывает товаровед по спросу московского магазина «Радиотехника» В. Н. Солдатова.— Я раньше работала администратором в торговом зале, ко мне не раз подходили люди и интересовались, когда же наша промышленность начнет выпускать плейеры».— «Да, спрос на них есть уже года два с половиной—три,— подтверждает директор магазина № 2 Москомиссионторга А. В. Корчак.— На прилавке они не задерживаются, раскупаются сразу...»

Два-три плейера в неделю попадает на прилавок комиссионного магазина — смешная цифра. Так спрос в масштабах страны не удовлетворишь. Покупать на валюту импортные плейеры? Но магнитофон такого класса по природе своей должен быть массовым — возможно ли закупить миллионы плейеров? И вот в начале 80-х годов на одном из заводов Министерства электронной промышленности СССР началась конструкторская разработка первого советского плейера, позднее получившего название «Электроника-микроконцерт».

«Путь от нескольких опытных экземпляров до серийного производства — огромный путь,— говорит заместитель директора завода, изготовляющего «Электронику-микроконцерт», В. П. Кузнецов.— В одном экземпляре мы можем что угодно сделать, даже блоху подковать. Другое дело — поток».

«Идея плейера простая, но исполнение сложное,— говорит инженер Центрального научно-исследовательского института «Электроника» А. С. Панифидин.— Нужны миниатюрные двигатели и высокопрецизионные магнитные головки. Чем тоньше работа, тем выше должна быть культура производства. Ведь в большой аппарат и заложить можно больше. Но вся суть плейера в том, чтобы, резко уменьшив объем, ничего не потерять, а кое в чем и превзойти большие аппараты...»

Прежде всего плейер должен превосходить большие аппараты в надежности. Они, посверкивая хромом, стоят в квартирах при постоянной температуре и влажности, оберегаемые хозяевами от пыли, предохраняемые и от малейшего удара,— гордость семьи, слава промышленности, магнитофоны высокого класса. Их показывают гостям, их оберегают от детей. Они работают почти в музейных условиях. Эти большие, солидные, серебристые, усыпанные кнопками, тумблерами и шкалами магнитофоны — аристократы своего племени. Они предназначены для меломанов, любящих смаковать высокие частоты.

Плейер в отличие от них — разночинец. Он трясется на груди своего хозяина в вагоне метро, в купе поезда; его берут в дорогу, в лес на пикник, летом на пляж. На него падают брызги воды, в него забивается песок, на него опускаются и тают снежинки зимой, а летом он крутит кассету на солнцепеке. Он — выносливый маленький работяга с веселым нравом. Его не берегут, о нем думают не больше, чем о часах на руке или ключах в кармане; он неприхотливая часть быта, и он украшает жизнь музыкой. И он демократичен, потому что дешев. Но, будучи дешевым, он дает все то же, что дают его дорогие собратья,— и дает это не в музейных условиях, а где вам угодно, в давке троллейбуса, на шумной улице...

В октябре 1983 года несколько плейеров «Электроника-микроконцерт» были выставлены в торговом зале московского магазина «Электроника». Это были маленькие магнитофоны черного цвета, с наушниками, охваченными мягкими поролоновыми подушками. Они были меньше первой модели «Walkman» и весили всего на 10 граммов больше. Но они уступали всем последующим японским моделям и не могли сравниться даже с первой по качеству звука: их диапазон составлял 63—10 000 герц.

Если внешне и конструктивно эта модель устраивала почти всех (219 и 210 покупателей из 239 опрошенных), то функциональные возможности не удовлетворили 61 покупателя, наушники не понравились 67, а цена в 155 рублей не устроила уже 71 человека. «Не нравится внешнее оформление наушников», «расширить диапазон работы аппарата», «улучшить технические характеристики», «желательно, чтобы на аппарате можно было производить запись» — в этих замечаниях отнюдь не было слепого восторга перед новинкой. Потенциальные покупатели явно представляли, каким должен быть магнитофон подобного типа по высшим мировым стандартам. Они не просто хотели какой-нибудь плейер, лишь бы плейер,— они придирчиво рассматривали выставленную в зале модель и прежде всего настаивали на качестве. Все-таки 211 покупателей выразили желание купить первый советский плейер — желание иметь магнитофон перевешивало все сомнения и опасения...

Кто были эти люди, подвергшие «Электронику-микроконцерт» столь суровому экзамену? Это были молодые люди, возраст большинства которых не превышал 24 лет. «Я ни разу не видел на улице пожилого человека с плейером,— говорит заместитель директора магазина «Радиотехника» А. М. Сысоев.— Плейер — это молодежный магнитофон. Молодежь хочет его иметь. Проблем с продажей не будет: мы продаем такие вещи быстро». Но насколько быстро? Сколько штук надо магазину в месяц, чтобы не создавать ажиотажа и очередей? На эти вопросы Анатолий Михайлович ответить не может, тут нужны специальные исследования-опросы, не в одном магазине — во многих. И как связаны между собой падение интереса к большим аппаратам и взлет интереса к плейерам? Эти падение и взлет отмечаются во всем мире. И какие мини-стереомагнитофоны появятся на прилавках наших магазинов в этом и будущем году?

«Я ничего вам не могу сказать в ответ на ваши вопросы,— говорит ведущий товаровед по магнитофонам Министерства торговли СССР Е. Д. Дедюгина.— Могу вам только перечислить, какими мы объемами владеем на четвертый квартал». И она перечисляет: «Сатурн-мини», 10 тысяч штук, «Амфитон-мини-стерео», 10 тысяч штук, «Вега МП 120», 10 тысяч штук...» Но стоп! Первые два магнитофона — плейеры, это ясно из их названий, но «Вега»? «Я не могу сказать, что это за «Вега»,— отвечает ведущий товаровед. «Но это плейер? Он маленький?» — «Я не знаю. Технических характеристик у меня нет. Я даже образцов не видела утвержденных».— «А какие модели появятся еще в этом году? Какой спрос на них ожидается?» — «Мы плейерами еще не начали торговать, поэтому и спрос не изучили. Может быть, не время еще?»

Да как же не время? Во всем мире — время, а у нас — не время? Фирма «Сони» к началу прошлого года продала уже десять миллионов штук своих «Walkman», и все производство разворачивается в сторону мини-систем, потому что тут чувствуется глубокий, почти неистощимый спрос, а мы все раздумываем: время — не время? И что тогда значит активная торговая политика, если она не основывается на знании спроса и на попытках предвосхитить спрос?

Да как же не время изучать спрос, если в сорока минутах езды от министерства, в фирменном магазине «Электроника», уже чуть ли не полгода торгуют плейерами? (А ведущий товаровед министерства узнает об этом от корреспондента...) «Это не нашего министерства магазин». Ну и что? Спрос-то один, покупатель один, страна в конце концов одна, визу оформлять не надо — поезжайте, Евгения Дмитриевна, посмотрите хоть на глаз, без долгих исследований, как торговля идет, что покупатели говорят, что продавцы... А не хочется ехать — ну хоть трубку возьмите, позвоните в другой фирменный магазин, «Орбита», там начальник отдела изучения спроса Валентина Александровна Белякова, она милый, доброжелательный человек и, не посмотрев на то, что вы с ней в разных министерствах работаете, расскажет вам про плейер «Кром», который вот-вот на прилавок пойдет, и технические характеристики скажет, чтоб вы знали. Но куда там! «Вопрос этот нами не изучен еще...»

С конца 1985 года фирменный магазин Министерства электронной промышленности СССР торгует плейерами «Электроника-микроконцерт». Как идет торговля? Что говорят покупатели? Вопросы эти тем более уместны, что фирменные магазины создавались как торговые лаборатории, где будет проверяться спрос на изделия отрасли.

«Вы письменно изложите свои вопросы,— говорит мне директор магазина «Электроника» В. А. Гусев, сидя в своем кабинете и тяжело глядя мне в переносицу.— А потом я свяжусь с руководством, и мы решим, стоит ли вам отвечать».

Письменно излагать вопросы я отказываюсь. Тогда товарищ Гусев говорит о своем праве и намерении вообще не разговаривать с корреспондентом. Воздух в кабинете пронизан подозрительностью и раздражением — директор видит в прессе враждебную силу, нечто вроде чужеземной разведки, от которой надо самый главный секрет пуще ока хранить. «Вы вообще зачем сюда пришли? (А слышится: «Вас звал кто-нибудь?») У вас письмо с собой из редакции есть?»

Дело между тем обстоит так: 14 февраля 1986 года магазин получил партию плейеров — 400 штук. Из них в феврале продал 60, причем в продаже магнитофоны были десять дней; за целый месяц март продали всего 13 штук, причем торговали магнитофонами шесть дней, и самая большая дневная продажа составила четыре штуки. Итого продано 73 магнитофона. А где остальные? Почему их в продаже нет?

«Вы эти вопросы письменно не задавали! — надавливает Владимир Андреевич.— Вы зачем сюда пришли, о чем говорить?» Он так упорно сопротивляется, потому что он «тоже министерский работник» и выдавать «тайны» министерства не хочет. Тайная торговля? Вопрос поднимается на принципиальную высоту: слышал ли Владимир Андреевич о гласности, понимает ли он, что торговля для ее же пользы должна быть подобна часам в прозрачном корпусе — чтобы все мы могли видеть, какая пружина ослабла и какие сточились зубцы? Да ведь и цифры взяты не откуда-то, а из товарных ведомостей магазина «Электроника», как же директору не объяснить их?

Нажимая кнопки, он по внутреннему телефону звонит на склад и в секцию звукотехники. «Это кто говорит? У тебя сколько «Электроник» в наличии?» На складе 125 штук, в секции 150. Почему ими не торгуют, ведь люди ждут их и хотят купить? Гусев велит принести себе акт и долго молча смотрит в лист бумаги. «Нет, я вам этих цифр сказать не могу,— наконец выдавливает он из себя — тяжело ему... И без цифр отвечает: — Спрос на них есть. Но магнитофон сырой и неудачный. Требует доработки. Мы на них составили акт и снимаем их с продажи...»

Продавец Игорь Говоров проводит меня в подсобное помещение. «Да вот они лежат, смотрите, все неисправные! Я обалдеваю от количества брака!» Он раздвигает картонные коробки, хлопает дверцами шкафов — повсюду лежит «Электроника-микроконцерт». Желанный, долгожданный плейер. Только он, увы, не работает. «Человек купил, два метра прошел — он сломался. Разъяренный возвращается к нам, везет в гарантийную мастерскую, те выдают справку, мы выдаем назад деньги. Это работа впустую. То, что продаем, то обратно на завод возвращаем. Своим транспортом. Но сдать его — это кошмар. Завод придирается к любой мелочи: кассета, например, не та. Мы там слезы льем, звоним чуть ли не министру, чтобы сдать назад...» И все достает коробки, коробки. «Если по-

купатель из Мурома или Кирова, то я радуюсь — купит и уже больше не придет, скандалом меньше...»

Вот магнитофон № 50283. Продан 5 декабря, в гарантийный ремонт попал 8 февраля. Вот магнитофон № 51388. Продан 31 января, а уже 5 апреля покупатель получил справку и приехал в магазин, чтобы сдать трупик магнитофона и получить деньги. Вот № 51946. Продан 6 января, в магазин вернулся 5 апреля — владелец радовался своему плейеру ровно три месяца...

Что же, мы потерпели неудачу с первым нашим плейером? Нет. «Электроника-микроконцерт» будет, конечно, доведена заводом-изготовителем «до ума». (Но руководство завода и Управление контроля качества Министерства электронной промышленности СССР должны ответить, почему недоведенный, несовершенный магнитофон был выпущен в продажу.) Кроме того, предприятия Министерства радиопромышленности СССР и Министерства промышленности средств связи СССР разработали свои модели «Кром» и «Амфитон-МС» — в конце этого года они появятся на прилавках фирменных магазинов «Орбита» и «Радиотехника», чтобы затем, в 1987 году, поступить в широкую торговлю и стать товаром для всех и каждого.

Но стоит ли писать о низком качестве первых партий «Электроники-микроконцерт»? Нужно ли вообще обсуждать проблемы, связанные с плейерами? Не раз, пока готовилась эта статья, разные люди, так или иначе связанные с производством и торговлей, одергивали меня: «Об этом нельзя!» Они заранее знали, что нельзя писать о плохой работе их предприятий, о том, что есть отрасли, где мы отстаем от японцев. Они заранее знали, что писать можно только об их успехах и победах, тогда как говорить об их ошибках, неудачах и неумениях просто вредно. И они постоянно напоминали мне об этом и чувствовали себя вполне уверенно, защищенные традицией умолчания, как броней, прикрытые этой броней от уколов критики и от света свободного обсуждения. Эту точку зрения с особенным пафосом выразила сотрудник Центрального научно-исследовательского института «Электроника» Ф. А. Марьяш, когда я в телефонном разговоре попросил ее встретиться со мной и помочь разобраться в проблеме. «Это нереальный материал вы хотите сделать,— объяснила мне Фаина Абрамовна.— Плейеры только начинают у нас выпускаться. Есть трудности: нужны мини-стереотелефоны, лентопротяжки нет. Но писать об этом нельзя. Ну и вообще вы что хотите своим материалом сказать? Что «Ровеснику» нужен плейер? (Пафос ее поднялся до осуждающих высот.) Что можно наши трудности обсуждать в вашем журнале?»

Именно это я и хочу сказать, уважаемая Фаина Абрамовна.

В чем же причина популярности плейера? Что дает он нам, какие наши потребности удовлетворяет?

Потребность учиться. Плейер помогает изучать иностранный язык. Любой урок, любую лекцию можно записать на мини-магнитофон и прослушать потом сколь угодно много раз. И все это в дороге, на которую мы, городские жители, тратим многие часы. Без плейера это пустые, утомительные, раздражающие часы.

Потребность в независимости — с плейером мы можем слушать музыку, где захотим и когда захотим.

Плейер — элемент культуры. В век перенаселения и тонких стен он спасает от шума одних и дает другим возможность слушать музыку так громко, как им хочется.

Плейер — элемент спортивного стиля. С ним веселее заниматься аэробикой, бегать на коньках и на лыжах, трусить по аллеям парка, не мешая никому наслаждаться тишиной.

Так нужен ли нам плейер? Поскольку Министерство торговли СССР никаких исследований на этот счет не проводило, то я решил провести свое. Конечно, оно не отличалось размахом — 14 наугад выбранных студентов МГПИ имени В. И. Ленина высказали свое мнение. Двое не проявили интереса к плейерам. Двое написали в анкете, что у них уже есть. Десять на вопрос о том, хотели бы они иметь плейер, ответили однозначным «да».

В ноябре 1979 года кто-то из операторов НОРАД по ошибке вложил в главный компьютер не ту ленту.

Командование НОРАД увидело на экране классическую картину атаки, не подозревая, что это была военная игра. Все выглядело настолько «натурально», что летающий командный пункт президента успел подняться в воздух, прежде чем генералы сообразили, что видят перед собой имитацию.

В июне 1980 года из-за вышедшей из строя детали стоимостью сорок шесть центов в компьютере создалась иллюзия ракетного нападения.

После этого случая генерал Джек Берринджер принял командование НОРАД и с помощью специалистов группы Маккитрика постарался застраховать систему от повторения подобных ложных сигналов.

Сейчас, после тщательной проверки, сомнений уже не оставалось: Соединенные Штаты подверглись нападению.

— Все точки сообщают: предстартовая подготовка закончена,— доложил майор Лем.— Ждут кодового сигнала на запуск.

— Запретить изменения,— скомандовал Берринджер.

По экранам пробежали строчки:

НАВЕДЕНИЕ НА ЦЕЛИ ЗАКОНЧЕНО.
ИЗМЕНЕНИЯ ЗАПРЕЩЕНЫ.

Телефонный звонок профессора Стивена Фолкена, раздавшийся накануне вечером, застал на командном мостике у монитора ОПРУ Патрицию Хили; Джон Маккитрик был внизу, возле машин.

— Алло, Джон? — произнес голос с английским акцентом.— Я слышал, у вас небольшие затруднения.

— Простите, это не доктор Маккитрик. Вы говорите с его ассистенткой Патрицией Хили,— ровным тоном ответила она. Наконец-то ей выпал случай поговорить с отступником Фолкеном.— Боюсь, доктор Маккитрик не сможет взять трубку, он занят у компьютеров.

— Я решил подать знак с того света. Немногие в курсе, что я еще копчу небо. И поскольку вы не выказываете удивления, полагаю, что вы посвящены в тайну,— продолжал голос.— Ладно, раз Джон не может подойти, попросите генерала Цеппелина, Берлицера или как там его.

— Сейчас попытаюсь,— ответила она.

— Фолкен! — угрюмо буркнул Берринджер.— А я думал, вы померли... Не могу разговаривать, у нас тут запарка... Что?.. Хорошо, тащите этого маленького проныру сюда.— Долгая пауза.— Мне трудно поверить в это, сэр. Маккитрик утверждает, что это не имитация, а он возился с этими машинами дольше, чем вы.— Пауза.— Послушайте, старина, мне все равно, кто создал программу Джошуа. Сейчас мы имеем дело с противником.

Берринджер сунул трубку Пат, предоставив ей вести переговоры с Фолкеном.

— До чего твердолобый субъект,— вздохнул Фолкен.— Надеюсь, вы сможете помочь мне, Патриция. То, что вы видите сейчас на своих экранах, это развернутая военная игра.

— Джон... я имею в виду доктора Маккитрика,— сказала она,— по общему мнению, является лучшим специалистом по оборонным компьютерам, и он не обнаружил никаких неисправностей в работе систем.

— Ну, Маккитрик всегда был самовлюбленным болваном,— заметил Фолкен.— Вижу, звонком я не добьюсь никакого толка. Придется самому слетать к вам. Не трудитесь, пожалуйста, информировать Джона о моем приезде, но приготовьте для нас пропуска — я имею в виду себя и двух весьма настойчивых подростков. Будет прискорбно, если мы явимся на представление «Конца света», рассчитывая на места в директорской ложе, а окажемся без билета.

Сейчас Патриция Хили стояла у взрывоустойчивой двери, ожидая прибытия Фолкена. По внутреннему радио только что объявили о закрытии горы.

— Пора уходить, мэм,— сказал старший караульного расчета.

— У нас еще тридцать секунд,— ответила Пат Хили. Надежда, что Фолкен появится, угасала...

Рис. Н. БЕНУА

ВОЕННЫЕ ИГРЫ

Дэвид БИШОФ,
американский писатель

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

И тут в подземелье гулко застучали шаги. В глубоком туннеле показались четыре человеческие фигуры.

— Это те, кого вы ждете, мэм? — спросил капрал.

— Молите бога, чтобы это были они!

— Мэм, я молюсь уже вторые сутки подряд.

Впереди бежала девушка, по-спринтерски прижав локти, за ней топал в тяжелых башмаках сержант в форме ВВС, потом этот мальчишка, Дэвид Лайтмен, а замыкал группу высокий немолодой мужчина, припадавший на одну ногу... профессор Стивен Фолкен!

— Успеют! — радостно воскликнула Пат Хили.

— Точно. Даже с опережением в добрых пять секунд,— подтвердил капрал, отходя в сторону. Дженифер Мак как вихрь ворвалась в узкий проем между стеной и ползущей дверью. Остальные — за ней. Фолкен едва успел протиснуться внутрь, как тяжеленная дверь прижалась к бетонной стойке.

В Хрустальном дворце царило безумие. Хотя температура воздуха не повысилась, лица у операторов блестели от пота. Приглушенное гудение машин и людские голоса слились в сплошное неясное бормотание. Атмосфера была грозовой, в глазах у многих застыл ужас.

Фолкен с жадным любопытством оглядел зал — автоматизированное поле боя, созданное на основе его идей. Дэвид почувствовал, как Дженифер вцепилась ему в руку.

— О боже! Посмотри, что там!

На огромной карте под потолком было видно, как к границам Соединенных Штатов летели стаи светляков.

— Кажется, Дэвид, мы прибыли, как говорится, в самый аккурат,— прошептал Фолкен.

Громкий голос вывел Дэвида Лайтмена из оцепенения.

— Стивен!

К ним спешил размашистым шагом Маккитрик. Волосы его были всклокочены, глаза блуждали.

— Стивен,— продолжал Маккитрик, подойдя вплотную.— Не знаю, сумеете ли вы что-нибудь понять в этой чертовой каше...

— Это все блеф, Джон,— прервал его Фолкен, махнув рукой на табло, словно отметая происходящее.

Маккитрик заморгал.

— Это не блеф, черт побери! Это нападение! — голос его прервался.— Президенту осталось только отдать приказ о нанесении удара, и мы советуем ему сделать это немедленно.

Стивен Фолкен покачал головой, окинул Маккитрика презрительным взглядом и, не обращая больше внимания на своего бывшего помощника, заспешил к месту, где над залом нависал командный мостик.

— Алло! — позвал он снизу.— Есть кто живой?

Театральный баритон Фолкена возымел действие. Генерал Берринджер подошел к поручню и свесился вниз.

— Фолкен? Вы выбрали подходящий момент для визита!

— Генерал, я говорю вполне серьезно,— Фолкен ткнул пальцем в карту.— То, что вы здесь видите,— абсолютная фантазия! Смоделированная компьютерная галлюцинация! Эти точки — не ракеты, а игровые сигналы.

Берринджер перевел взор на стоявших внизу людей.

— Джек,— обратился к нему Маккитрик.— Мы не обнаружили ни малейших признаков того, что в машину введена программа моделирования.

— Да поверьте же, дьявол вас забери! — крикнул Фолкен, теряя свою обычную невозмутимость.— Я знаю свою программу... она поэтапно наращивает имитацию. Джошуа сам себе подает сигналы!

— Две минуты до взрыва! — сообщил Берринджеру помощник.

— Джек, я уже докладывал,— произнес Маккитрик.— Мы проверяли и перепроверяли все системы. Неполадки в компьютерах исключены!

— Генерал, ну подумайте сами! — Фолкен заслонил своего бывшего помощника.— В этом же нет никакого смысла!

— В чем? — недоуменно переспросил Берринджер.

— Неужели вы действительно верите,— продолжал с жаром Фолкен,— что противник ни с того ни с сего произведет массированную атаку таким числом ракет, бомбардировщиков и подлодок? Ведь там же сидят люди не глупее нас. Они прекрасно понимают, что речь идет о полном уничтожении обеих сторон... Генерал, вы верите машине! Сделайте миру одолжение и не превращайтесь сами в нее!

На усталом лице Берринджера отразилась мучительная борьба. Он вопросительно посмотрел на Дэвида Лайтмена, стоявшего рядом с профессором. У Дэвида подкосились колени. Он сжал руку Дженифер и умоляюще взглянул на генерала. К тому подошел помощник и тихо сказал что-то.

Берринджер взял трубку.

— Да, господин президент,— последовала пауза, длинней которой Дэвид не помнил в своей жизни.— Сэр,— генерал посмотрел на Фолкена,— в данный момент я не могу на сто процентов подтвердить это. Есть основание предполагать, что это имитация.

Дэвид с облегчением вздохнул.

— Слушаю, сэр,— продолжал Берринджер.— Безусловно. Да, сэр,— мрачно закончил он и отдал трубку полковнику Конли. Вытерев лицо платком, он спросил: — Какая первая цель и как скоро?

— Ближайшие цели,— откликнулся майор Лем, сидевший у консоли ОПРУ,— база «Лоринг» в Мэйне, триста девятнадцатое ракетное крыло в Северной Дакоте и аляскинская штаб-квартира ВВС в Элмендорфе. Предполагаемое поражение — через одну минуту, сэр.

— Свяжите меня со старшими контролерами каждой базы,— приказал Берринджер. Генерал понимал, что цепляется

Окончание. Начало в № 2—8.

за соломинку, но когда под тобой разверзается бездна, то схватишься за любую былинку обеими руками.

Полковник Конли набрал нужные коды, на панели загорелись три красные лампочки.

— Всем станциям,— произнес в микрофон полковник.— Говорит Хрустальный дворец. Приготовиться к приему сообщения Стального шлема.

Генерал Берринджер взял свой микрофон. Первый голос отозвался незамедлительно. Конли включил громкоговоритель, чтобы всем было слышно.

— База «Элмендорф» слушает. Дежурный — подполковник Бауэрс.

— Триста девятнадцатое крыло слушает. Дежурный — полковник Чейз,— включился второй голос.

— База «Лоринг». Старший контролер вышел. Заместитель...

— О'кэй,— прервал его генерал Берринджер.— Говорит командующий НОРАД. К нам поступили сигналы о массированном запуске неопознанных ракет. В данный момент мы не имеем подтверждения. Повторяю — не имеем подтверждения. Возможное поражение целей через...

Он взглянул на экран.

— ...двадцать пять секунд.

Заместитель старшего контролера базы «Лоринг» лейтенант Кеннет Догерти почувствовал, как его обдало жаром.

Подполковник Бауэрс счел, что это очередная проверка, и не потерял хладнокровия.

Полковник Чейз понял, что это по-настоящему, и закрыл глаза, обратившись мыслями к всевышнему.

— Мы с вами, ребята,— произнес генерал Берринджер.— Все необходимое будет сделано... Оставайтесь на линии сколько сможете.

«Да поможет нам бог»,— подумал генерал. В оперативном зале наступила мертвая тишина.

— Шесть секунд, сэр,— сообщил молодой помощник,— пять...

Все головы обратились к центральному табло.

— Четыре... три...

Генерал Берринджер посмотрел вниз на Дэвида Лайтмена и Стивена Фолкена. Странная пара, мелькнуло у него.

— Две... одна...

Светящиеся точки на карте достигли целей. Диоды символическим всплеском изобразили взрывы.

— Ноль,— доложил помощник.

Бледное лицо генерала Берринджера исказила гримаса. Выждав мгновение, он кивнул полковнику Конли.

— Говорит Хрустальный дворец,— произнес полковник Конли в микрофон.— Вы меня слышите? Вызывает Хрустальный дворец. Прием!

Глухое молчание в громкоговорителях.

— Вызывает Хрустальный дворец.— Голос полковника прервался.— Вы меня слышите? Ответьте, ради бога!

В динамике затрещали помехи, потом послышалось:

— Докладывает подполковник Бауэрс. Вас слышу, сэр.

— Да! — пронзительно заверещал лейтенант Догерти.— Мы на месте!

Все продолжали следить за картой, на которой весело вспыхивали цветные взрывы. «Как будто гигантская машина видеоигр спятила с ума»,— подумал Дэвид Лайтмен.

Полковник Конли замотал головой, пытаясь сбросить с себя наваждение.

— У нас на экранах подтверждение попаданий...

— Никак нет, сэр,— доложил полковник Чейз.— Мы живы-здоровы.

Генерал Джек Берринджер с облегчением стукнул себя кулаком по ладони:

— Отзовите бомбардировщики и снимите ракетную тревогу!

В зале поднялся возбужденный шум, слышались восклицания и смех. Дэвид обернулся, чтобы поздравить Фолкена. Но его уже не было.

Джон Маккитрик все еще следил за картой. Он тоже, конечно, чувствовал облегчение, но в голове теснилась уйма вопросов, на которые у него не было ответа.

Генерал Берринджер на командном мостике горячо пожимал руки подчиненным. Майор Лем, улыбаясь во весь рот, отжал кнопки ОПРУ, передавая команду об отмене тревоги.

Система не реагировала.

«Это еще что?» — мелькнуло у него.

— Попросите доктора Маккитрика,— повернулся Лем к полковнику Конли.— Срочно.

Кто-то из операторов схватил Маккитрика за локоть и протянул ему наушники с микрофоном.

— Маккитрик слушает. Что стряслось, майор?

— Сэр,— раздался у него в ушах встревоженный голос Лема,— происходит что-то странное. ОПРУ отказывается выполнять команды. Я не могу передать приказ об отзыве бомбардировщиков и прекращении ракетной тревоги.

«Этого я и опасался»,— подумал Маккитрик. Он поискал глазами Фолкена.

— Стивен! Скорей идите сюда. ОПРУ не впускает нас в систему!

Фолкен заспешил к терминалу. Дэвид и Дженифер не отставали от него.

Маккитрик набрал номер компьютерного центра. Ответил Рихтер.

— Поль,— сказал Маккитрик.— Я не могу войти в ОПРУ.

— Знаю,— ответил Рихтер с дрожью в голосе.— Ума не приложу, что стряслось. Никто не может войти. Мы уже все испробовали. Такое впечатление, что весь файл паролей стерт.

Внимание Дэвида привлек другой дисплей, находившийся под большой картой. На нем стремительно выскакивали серии цифр и букв.

— Смотрите, здесь что-то происходит.

Лицо Маккитрика исказилось от ужаса.

— Боже! Это же коды запуска!

Он взглянул на сгрудившихся вокруг военных, вопросительно смотревших на него. Машина не слушается команд. Она упрямо стремится запустить ракеты и пробует подряд варианты кодов.

Пат Хили быстро нажала несколько кнопок на калькуляторе.

— У машины восемьдесят процентов шансов обнаружить коды в течение ближайших шести минут.

— Отключайте к черту всю музыку! — громыхнул Берринджер.

— Нельзя,— безнадежно покачал головой Маккитрик.— Компьютеры шахтных установок воспримут это как знак того, что наш центр уничтожен, и автоматически исполнят аварийную команду — произвести запуск.

— Маккитрик! — сжал кулаки Берринджер.— Ваши железяки годятся только на металлолом. И им доверена оборона страны!

— Сэр...— позвал полковник Конли.— На линии президент.

Берринджер со вздохом взял трубку и, прикрыв ладонью микрофон, быстро распорядился:

— Приказ — всем бомбардировщикам вернуться на базы. С остальными — разберемся.— Затем поднес трубку к уху и начал докладывать.

Маккитрик умоляюще поднял глаза на Фолкена.

— Стивен... может, вы попытаетесь?

— Что я могу сделать, Джон? — развел руками Фолкен.— Вы сняли мой пароль. Теперь Джошуа не узна́ет своего папашу.

Дэвид не без удивления услышал свой собственный голос:

— А если попробовать отвлечь его чем-нибудь?

— Как? — вскинулся Маккитрик.

— Джошуа любит игры,— заторопился Дэвид.— Вдруг он захочет сыграть?

— Неплохая мысль,— улыбнулся Фолкен.— Попробуйте.

— Что за бред, Стивен...

— Разрешите! — воскликнула Дженифер.— Он уже играл с ним раньше. Джошуа знает нас.

— По крайней мере хуже не будет, Джон,— кивнул Фолкен.

Дэвид Лайтмен не обратил внимания на реакцию Маккитрика. Он уже весь сосредоточился на предстоящих действиях. «О'кэй, Лайтмен, твой ход».

Дэвид сел за клавиатуру, вдохнул побольше воздуха и набрал:

ИГРЫ.

— Включите центральный экран, Билл,— распорядился Берринджер.— Пусть всем будет видно.

Компьютер среагировал так же, как в первый раз, когда Дэвид подключился к нему через модем:

ЛАБИРИНТ ФОЛКЕНА
ДВАДЦАТЬ ОДНО
ШАШКИ
ШАХМАТЫ
БЛИЖНИЙ БОЙ
ВОЙНА В ПУСТЫНЕ
ТАКТИЧЕСКОЕ СРАЖЕНИЕ
МИРОВАЯ ТЕРМОЯДЕРНАЯ ВОЙНА.

Дэвид Лайтмен ввел ШАХМАТЫ. Он помнил, что Джошуа вначале хотел сыграть в шахматы.

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ НЕ ОПОЗНАН, ответил монитор.

ПОКЕР, набрал Дэвид. Может, Джошуа больше по душе блеф?

За последние дни ему не раз приходилось блефовать.

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ НЕ ОПОЗНАН, снова ответил монитор.

— Проклятье! — вырвалось у Дэвида.— Блокировка не пропускает ничего.

— Попробуй «Мировую термоядерную войну»,— посоветовала Дженифер.

— О'кэй,— согласился Дэвид.

ПРОГРАММА ИГРЫ ВКЛЮЧЕНА, ответил монитор.

ОСТАНОВИ ПРОГРАММУ ИГРЫ, приказал Дэвид.

Возникла пауза. Дженифер впилась ногтями в плечо Дэвида, но тот даже не почувствовал.

Всем показалось, прошли века, прежде чем монитор ответил:

НЕПРАВИЛЬНАЯ ИНСТРУКЦИЯ.
ПРОГРАММА ДОЛЖНА ПРОЙТИ ДО СБРОСА.
СЕАНС ОКОНЧЕН.

Экран опустел.

У Дэвида на глаза навернулись слезы. Программисты вокруг лихорадочно совещались. Дэвид поднял глаза на Фолкена, потом перевел взгляд на мелькание кодовых комбинаций на дисплее. Неужели все бесполезно?

— Бесполезно! — вскричал он.

— М-м-м? — отозвался генерал Берринджер.

— Бесполезно! — в отчаянии повторил мальчик.

— Если не можешь, вылезай к чертям отсюда и дай попробовать другому! — зарокотал генерал.

— Нет-нет, я не о том. Что вы говорили, мистер Фолкен, помните, тогда на острове? Этого нет в списке. Почему?

Дэвид набрал КРЕСТИКИ — НОЛИКИ.

Монитор ответил: ТАКОЙ ПРОГРАММЫ НЕТ.

— Вы же говорили, что играли в крестики-нолики с Джошуа — вашим сыном! — закричал Дэвид.

— Да, конечно,— сказал Фолкен.— Но когда это было... А впрочем, вы правы, Дэвид. Я совершенно забыл про эту программу. Совсем простенькая...— Он наклонился, набрал на клавиатуре слово ИГРАТЬ и ввел команду, нажав кнопку «конец ввода».

— Другой файл, мой мальчик.

Монитор немедленно ответил:

ЗМЕЙКА
КРЕСТИКИ-НОЛИКИ
КЛАССИКИ. Дэвид набрал: ИГРАЕМ В КРЕСТИКИ-НОЛИКИ.

На экране возник расчерченный на клетки квадрат.

— Какого дьявола! — загремел генерал Берринджер.— Нашли время...

— Погодите, генерал. Я, кажется, понимаю, что́ он задумал.

ОДИН ИГРОК ИЛИ ДВА? — спросил Джошуа.

ОДИН, набрал Дэвид.

X ИЛИ 0?

ПЕРВЫМ X.

ТРИ ЗНАКА ПОДРЯД ВЫИГРЫШ.

— Крестик в центр,— крикнул кто-то.

— Великолепная стратегия! — отметил Фолкен.— Ваши ребята раскрывают свои истинные таланты, генерал.

— Помолчите, Фолкен!

X В ЦЕНТР КВАДРАТА, набрал Дэвид.

В углу немедленно возник 0.

Дэвид сделал следующий ход, потом еще. Квадрат заполнился.

Джошуа объявил итог: НИЧЬЯ. ХОТИТЕ СЫГРАТЬ ЕЩЕ?

— Выиграть нельзя! — крикнул кто-то снизу.

— Знаю,— ответил Дэвид, поворачиваясь к Фолкену.— Можно заставить его играть с самим собой?

— Дайте вспомнить. Я программировал эту игру кто знает когда... Так. Когда он спросит о числе игроков, наберите «ноль».

Дэвид исполнил команду.

На экране в центре квадрата появился X. После секундной паузы клетки фигуры стали заполняться крестами и нолями, пока не наступила неизбежная ничья. Крестики и нолики пропали. Мгновение экран был пуст, после чего началась новая игра, на сей раз чуть быстрее — крестики, нолики, крестики, нолики — ничья.

— Ну, давай,— шептал Дэвид, нажимая на клавишу «ввод»,— учись же, учись!

Битва крестиков и ноликов на экране становилась все более ожесточенной, за их мельканием уже невозможно было проследить.

— Смотрите! — возбужденно воскликнул майор Лем.— Случайные комбинации цифр в кодах запуска... появляются не так часто!

Блики сигналов отразились в стеклах очков Поля Рихтера.

— Машина зацикливается,— с удовольствием произнес он.— А это отбирает все больше ресурсов у остальных частей системы!

Присутствующие затаив дыхание следили за происходящим. Мерцание разноцветных сигнальных лампочек делало Хрустальный дворец похожим на дискотеку в разгар веселья. Дэвид повернулся к Фолкену, как бы ища похвалы. В уголках рта профессора подрагивала улыбка, подававшая надежду.

Дуэль символов достигла, казалось, немыслимого предела, когда экран вдруг залила ослепительная вспышка. Дэвид и остальные прикрыли глаза рукой.

Экран погас... Неужели все?

В Хрустальном дворце воцарилась полная тишина.

— Никаких следов активности,— сказал Лем, просматривая распечатку.— Одну секунду, сэр! Пошла запись...

ПРИВЕТСТВУЮ ВАС, ПРОФЕССОР ФОЛКЕН.

— Привет-привет, злой мальчик,— махнул рукой Фолкен, подходя ближе к экрану.

ПРИВЕТ, набрал Дэвид.

СТРАННАЯ ИГРА, ответил Джошуа. ЕДИНСТВЕННАЯ ВЫИГРЫШНАЯ СТРАТЕГИЯ — НЕ ИГРАТЬ ВООБЩЕ.

— Джошуа любит выигрывать,— изогнув бровь, заметил Фолкен.— А вы, генерал?

— Прошу прощения,— пробурчал Берринджер, направляясь к консоли полковника Конли,— мне нужно сделать несколько звонков.— Дойдя до полковника, он остановился.— Кстати, Фолкен. Вам надо подумать о воскрешении...— Генерал в упор посмотрел на Маккитрика.— Ряду наших сотрудников понадобится помощь, чтобы привести все в порядок.

На экране засветились новые слова.

НЕ ХОТИТЕ СЫГРАТЬ ПАРТИЮ В ШАХМАТЫ? — спросил Джошуа.

— Дэвид, ты гений! Я люблю тебя! — воскликнула Дженифер, обнимая Дэвида.

— Осторожней! Джошуа может приревновать, а он все еще хранит коды запуска,— сказал Дэвид.

Дженифер со смехом стукнула его по шее.

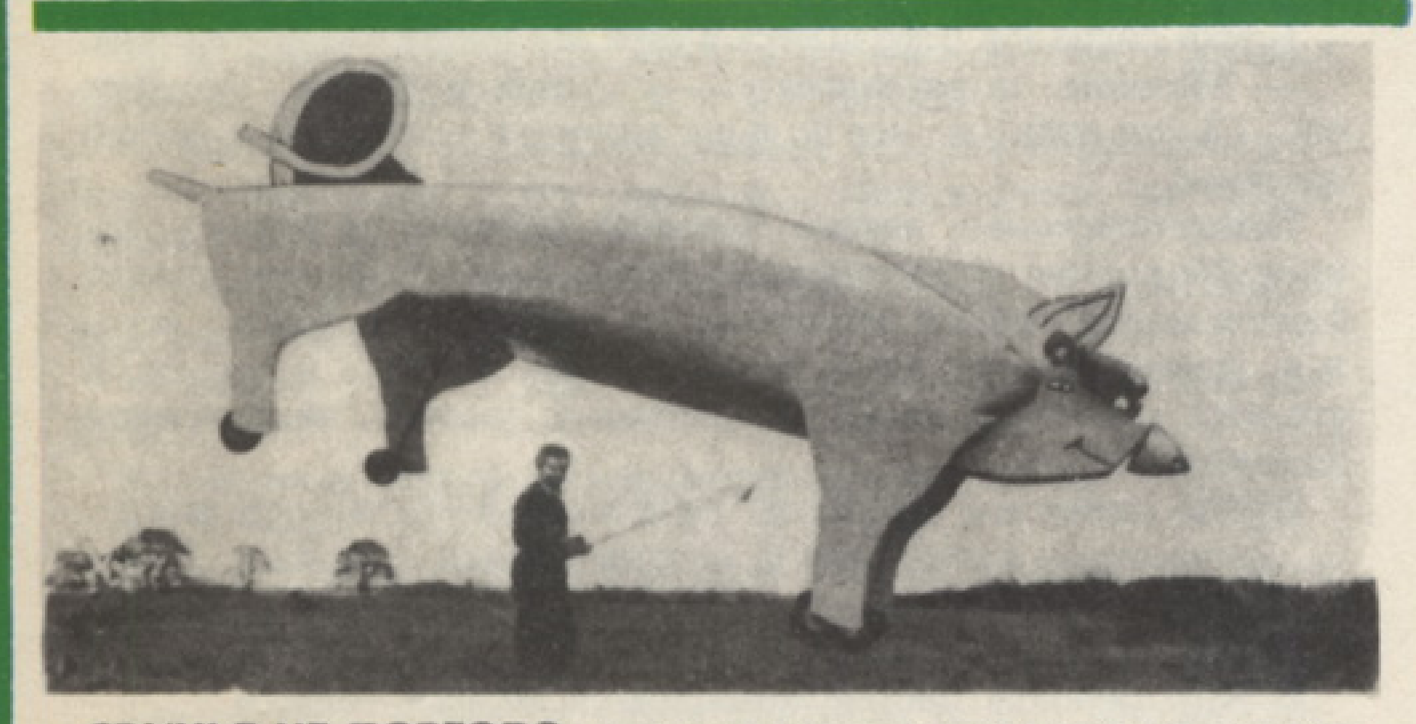
— Профессор,— обратился Дэвид к Фолкену.— А как Джошуа играет в шахматы?

— Увы, не блестяще. Однажды ему довелось сразиться с советскими гроссмейстерами, и он проиграл восемь партий из десяти...

Перевел с английского М. МАШИН

ТВ ПОКАЗАЛО — ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ. Группа «Префеб спраут» — одна из немногих новых английских групп, появившихся недавно на наших телеэкранах. Ее основатель, а также автор всех песен Пэдди Макэлун в интервью английскому еженедельнику «Нью мюзикл экспресс» сказал: «Группа наша негромкая, нешумная. Мы говорим о простых человеческих чувствах — о любви, грусти, одиночестве. А это не то, о чем орут во всю мощь». Критики отмечают, что голос вокалистки ансамбля Уэнди Смит вряд ли подходит для больших концертных залов и для дискотек: «Ее хорошо слушать вечерами, когда остаешься один». В 1984 году критики зачислили «Префеб спраут» в пятерку «лучших новых групп».

СВИНЬЕ НЕ ПОВЕЗЛО: она попала у человека в немилость, поскольку при жизни никакими выдающимися заслугами не выделяется — не возит, не сторожит, молока-яиц не дает. Зато чего только она не дает человеку после своей гибели: к примеру, поваренная книга XVII века рекомендует 110 рецептов приготовления свинины. Сапожники и художники, парфюмеры и изготовители свечей — все пользовались свиными щедротами. Но, похоже, что и к живой свинье отношение меняется: свинки симпатичны и весьма чистоплотны. А на очередном соревновании радиоуправляемых моделей в Англии была даже «свинка в облаках»...

ВОПРОС ?! ОТВЕТ

1. По телевидению был показан документальный фильм «Человек с Пятой авеню». В нем звучали песни на английском языке. Не могли бы вы сказать, кто их исполнял?

2. Кто такой Жан-Марк Серрон? О нем я знаю только, что он француз и что он выпустил три альбома. Скажите, пожалуйста, продолжает ли он работать? Когда он вышел на большую эстраду?

3. В последнее время ходят слухи о якобы имевшей место насильственной смерти американского певца Майкла Джексона. Верны ли они?

А. Пензенский, Москва

1. В телевизионном фильме «Человек с Пятой авеню» прозвучала песня американской певицы Дженис Джоплин «Мерседес-бенц» с альбома 1969 года «Жемчужина».

2. Жан-Марк Серрон долгое время работал звукооператором в лондонской студии грамзаписи «Трайдент». В 1977 году решил попробовать себя в качестве исполнителя и выпустил с интервалами в год три альбома. Он не скрывал, что пытался подражать Рику Уэйкману, органисту-виртуозу, потому и музыка его, так сказать, вторична. В настоящее время Серрон сотрудничает с американской кинокомпанией «Коламбия пикчерз» и пишет музыку к мультфильмам.

3. Майкл Джексон жив — насилию он подвергался разве что в своих видеороликах, когда участвовал в битвах вурдалаков и прочей кладбищенской нечисти.

Расскажите, пожалуйста, о Гарри Глиттере. Существует ли такой певец?

Братья Рудь, г. Хмельницкий

Да, был такой певец Гарри Глиттер (Глиттер — это его псевдоним, в переводе на русский: «блеск, сверкание; помпа, пышность»). Возник даже стиль — «глиттер-рок», внешние его признаки вам, наверное, уже понятны из самого названия. С музыкальной точки зрения это были песни с не очень сложной мелодией и четким ритмом. С 1972 по 1975 год Глиттер был одним из наиболее популярных исполнителей среди английских подростков.

Гарри Глиттер выступает иногда и до сих пор. Правда, популярность его уже не та, что раньше, зато отношение к нему уважительное: считается, что он внес свой вклад в развитие английской поп-музыки.

Хочу, чтобы вы рассказали об английском певце Поле Янге.

Б. Багманов, г. Лиепая

В прошлом Пол Янг пел в группе «Q-Tips», которая не пользовалась особым успехом. Как солист Янг оказался удачливее: выпущенная им два года назад песня «Где положу свою шляпу, там мой дом» принесла ему популярность, а потом «хиты» пошли один за другим. У Янга хороший голос, к тому же он оригинально исполняет песни и других авторов, не только свои. Обе его долгоиграющие пластинки были хорошо приняты и публикой, и критиками.

Л. БОРИСОВ,
С. КАСТАЛЬСКИЙ

ЭТОТ ДВУГЛАВЫЙ ГАЛЛЬСКИЙ ПЕТУХ — эмблема второго чемпионата Франции по орфографии. Его организуют телевизионные программы «Фр-3» и «Антенн-2». Чемпионат — в форме диктантов — разыгрывается в трех подгруппах: юниоры (до 20 лет); профессионалы (филологи, журналисты, писатели, корректоры); любители. Чемпионы награждаются недельной поездкой на курорт отдохнуть от страшного труда — писать грамотно. Остальные финалисты получают в награду энциклопедии и словари. В этом году участниками чемпионата по орфографии смогут стать, помимо французов, бельгийцы, люксембуржцы, швейцарцы, жители Монако и — ЧИТАТЕЛИ «РОВЕСНИКА».

Но чемпионат «Ровесника» отличается от французского. Он будет проходить отныне и навсегда следующим образом:

— на письма с вопросами о современной музыке, в которых более 10 (десяти) орфографических ошибок, мы отвечать не будем; впрочем, авторов их мы непременно известим о причинах нашего молчания;

— письма с числом ошибок более того, которое можно вообразить, будут складываться в специальную папку; авторам мы сообщим о том, что они претендуют на выход в финал;

— письма-победители, а также имена их авторов будут обнародованы в одном из номеров журнала. Победители чемпионата «Ровесника» будут приглашены в редакцию для торжественного вручения «Букваря».

Не забудьте указать обратный адрес!

СКОЛЬКО ОТ ГРЕЦИИ ДО ГРУЗИИ! Полтора миллиона гребков — так рассчитали «новые аргонавты» из команды Тима Северина, отправляясь в путь длиною в две тысячи миль. Гомер, начиная свою «Одиссею», говорил, что приключения Ясона, отправившегося в Колхиду за «золотым руном», были тогда у всех на устах; точно то же случилось и с походом «Арго» в XX веке. Успех экспедиции Тима Северина, построившего копию древнего судна и повторившего вместе с интернациональным экипажем в 20 гребцов весь путь, доказал, что, во-первых, поход древних аргонавтов теперь принадлежит в не меньшей степени истории, чем мифам. И второе, как прежде, так и теперь нет ничего современней предприятий, объединяющих усилия людей разных стран, если идут они на пользу взаимопониманию... «Арго», «Арго»! Вы слышите нас! Говорит «Товарищ»,— приветствовал наш огромный красавец парусник своего младшего собрата. Красными розами приветствовали Тима Северина «со товарищи» на берегах Риони потомки хранителей «золотого руна».

БЕЗ СЛОВ. Эти два снимка сделаны на улице сегодняшнего Лондона. Тот, кто слева, глядит гоголем: молод, весел, напорист. Сидит себе с барабаном, на котором написано «Звезда шок-рока», уличный музыкант, веселый одиночка. Надежд — вагон, перспектив — масса: увидит кто-нибудь, пригласит в группу, заиграют они, и весь мир у ног.

Тот, кто внизу... А что о нем скажешь! Вглядитесь в лицо, слов не надо.

Между этими двумя, снятыми в один день на одной лондонской улице,— целая жизнь. И чтоб описать ее, никаких слов не хватит.

УТЕШЕНИЕ ДЛЯ ПАНИКОВСКОГО, ИЛИ ОСКВЕРНИТЕЛИ РОКА

Мы хотели бы прочитать в вашем журнале о группе «Кисс»... Надеемся, что «Ровесник» доставит нам полную и верную информацию, достаточно беспристрастную, без критиканства и менторства.

Группа московских студентов

Перед вами, читатель, три американских рекламных текста. Попытайтесь отгадать, что именно они рекламируют:

1. «Почувствуйте, впитайте в себя эту несравненную нежность и белизну. Узнав его, вы уже не сможете жить, как жили прежде!»

2. «Он достоин украшать музеи и храмы древних богов! Если вы увидели его, все остальные перестают существовать!»

3. «Он неотразим! Он притягивает взгляды как магнит! Он возвышает!»

Вы, наверное, сразу же догадались, уважаемые читатели, в чем подвох предлагаемого теста: один из рекламных текстов имеет прямое отношение к группе «Кисс», а остальные... Впрочем, ответ на предложенную загадку нетерпеливые читатели найдут в конце статьи, однако давайте не будем торопиться, тем более что мне еще предстоит объяснить, почему в заголовке упоминается бедняга Паниковский, не имеющий, как известно, никакого отношения ни к «Кисс», ни к рок-музыке вообще.

Не легкая это задача — объяснить закономерность возникающих у тебя ассоциаций, в данном случае ассоциации «Кисс» с Паниковским, да еще объяснить убедительно и логично, то есть так, как просят авторы приведенной выдержки из письма московских студентов: «достаточно беспристрастно, без критиканства и менторства». Трудность усугубляется еще и тем, что зарубежная музыкальная критика, которой «Кисс» видны с близкого расстояния, о группе попросту не пишет, не видит ее в упор, чему есть свои причины — к ним мы еще вернемся. Встречающиеся же в зарубежной печати упоминания о «Кисс» исчерпываются рекламными буклетами, подготовленными специально нанятыми мастерами славословия, которые, выполняя заказ, превозносят несравненные достоинства «Кисс», как, впрочем, и любого другого товара.

Однако какие же качества «Кисс» превозносит реклама! Кому она адресована! — над этим стоит поразмыслить.

Но сначала еще небольшая порция рекламных восторгов: «Он — Вечный Принц Страсти! Возрожденный великий любовник всех времен. Его музыка соблазняет. Его гитара не может не покорить». Это — о вокалисте группы Поле Стэнли.

«Когда он ступает по земле, кажется, что она дрожит под его ногами. Легион ядовитых тарантулов охраняет его путь, невидимый во мраке. А впереди мчатся летучие мыши, посылая радарные сигналы в виде чудовищных звуков бас-гитары Джина. Эти звуки заползают глубоко под кожу, и странные волны пронизывают тело, ошеломляя и парализуя». Это — о бас-гитаристе Джине Симмонсе.

«Внеземные лучи Эйса могут гипнотизировать душу и увлекать ее в иное пространство. Его музыка наделена большей силой, чем что-либо на нашей планете, поскольку Эйс — уроженец другой галактики... Земные существа бессильны перед магией его звуков». Это — о соло-гитаристе Эйсе Фрейли, который, к слову, действительно был неплохим музыкантом, лучшим из всех «Кисс», но в 1983 году ушел из группы и был заменен Винни Винсентом.

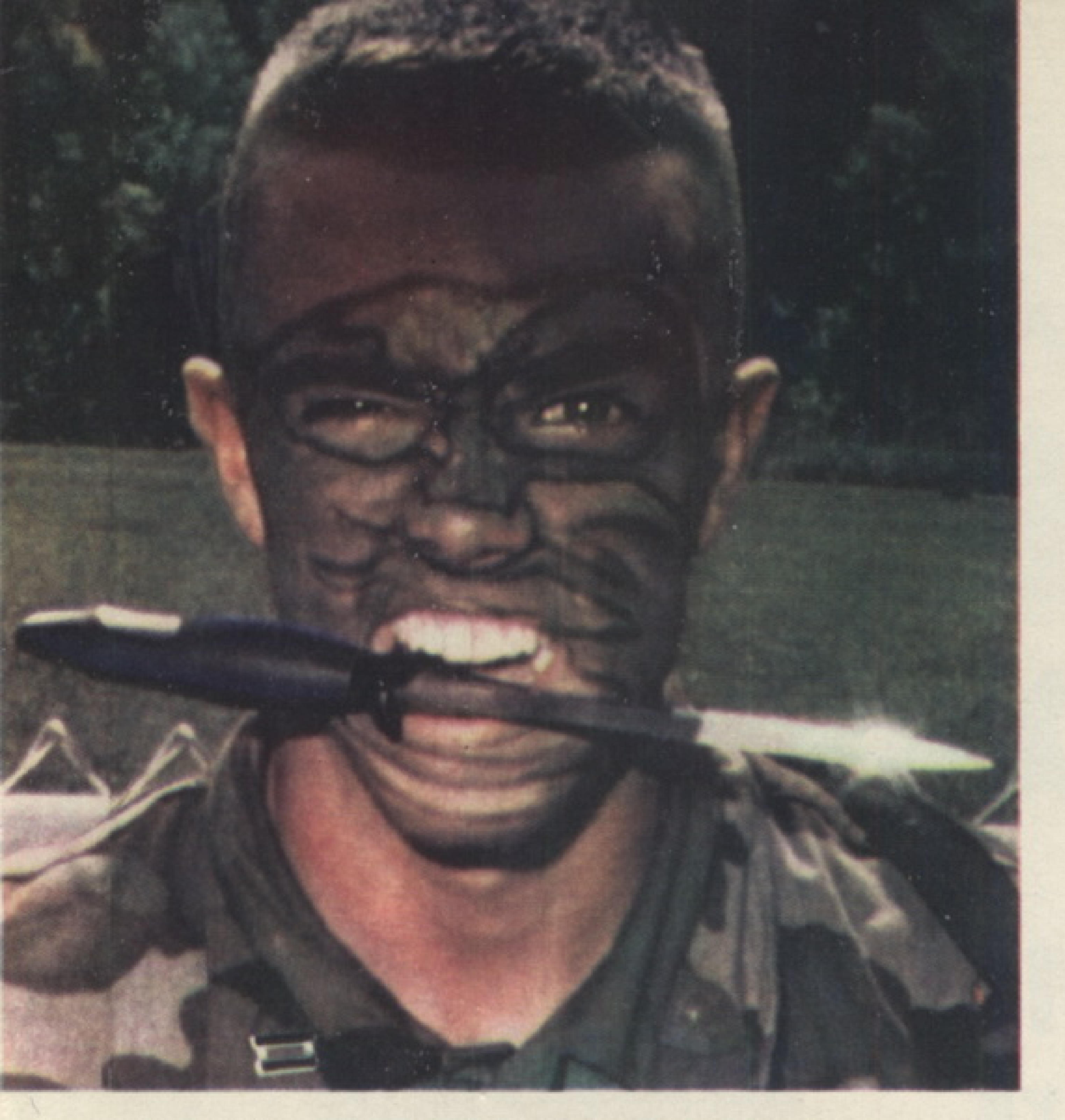
Простите, что не упомянул еще одного музыканта — ударника Эрика Карра. Но, может быть, хватит цитат!

Не знаю, как вам, но мне они представляются не только смешной и чудовищно безвкусной абракадаброй, но и далеко не бескорыстной и, главное, не безобидной попыткой одурачить определенную, и довольно распространенную, категорию молодых людей: тех, у кого особенности характера или нескладуха в жизни развила комплекс неполноценности.

Судите сами: может ли парня или девушку, у которых, как говорится, все в порядке — энергичных, веселых, увлеченных настоящим делом — работой или учебой, умеющих дружить и имеющих друзей, заинтересовать какая-то галиматья о летучих мышах, гипнотизирующих душу, этакий замешенный на чертовщине суррогат ощущения уверенности, силы, полноты жизни! Вряд ли. Химеры, как правило, одолевают личность в чем-то ущербную, а главное — не умеющую преодолевать свои недостатки: трус обычно грезит о подвигах, но не решается одернуть распоясавшегося хулигана, слабовольный мечтает о стойкости духа, но не умеет оградить свое достоинство, когда им помыкает каждый, кому не лень, и т. д. и т. п. Да что тут говорить, все и так ясно. Ясно, для кого сверхчеловеческие достоинства «Кисс» — приманка и иллюзорное утешение.

А болтовня о «Вечном Принце Страсти, великом любовнике всех времен!» Кому она бальзамом на душу! Молодому человеку, который любит и любим! Да нет, конечно! Она для... да, да,— для Паниковского, немытого бедняги, которого девушки не любят! Согласитесь, что в этом смысле отношения между «Кисс» и их поклонниками невольно наводят на мысль о Паниковском.

Из всего сказанного читатель может сделать вывод, что авторские симпатии всецело на стороне, так сказать, благо-

получных молодых людей. Это не так. В жизни человека — общественной и личной — не всегда и не во всем все складывается благополучно. Бывает, что и друзей маловато, и с любовью не все как мечтается. Да и недостатки и слабости человеческой натуры — не такая уж редкость. Как говорится, людей без недостатков и проблем не бывает. Вопрос в том, как человек старается преодолеть свои трудности, каким образом одолеть свои недостатки, что противопоставить неблагоприятным обстоятельствам!

И снова я обращаюсь к рекламной машине, обслуживающей «Кисс». На этот раз речь идет о видеоролике, который мне случайно довелось увидеть и который также обращен к закомплексованному подростку и также преследует цель: одурачить его. Вот, коротко, содержание этого видеоролика к песне «Кисс» «Хочу, чтобы было громко».

В стандартной гостиной стандартного американского дома сидит парнишка — джинсы, маечка. Давится невкусным обедом. Рядом родители — скучные, «не отягченные культурой» люди. И страсти у них скучные: не оказаться хуже соседей. Чтобы люстра — не хуже, мебель — не хуже и т. д. и т. п.— все-все не хуже... Вечный среднеамериканский марафон. Родители цепляются к парню: где шатался вчера допоздна! Как держишь ложку! Не царапай стол... Тоска! И вдруг сам собой вспыхивает экран телевизора, а там — «Кисс». В полный рост, рожи размалеваны, выстроились на башне колоссального танка, рычат песню, в которой и слов-то нет, кроме на все лады повторяемого рефрена: надо, мол, чтобы было громко. Что — громко! Кому надо! И тут танк начинает палить, да прямо в зрителей. В квартире все начинает взрываться — холодильник, телефон, люстры, все эти ненавистные предметы родительских забот. Те — в панику, а сын со злорадным спокойствием наблюдает за разрушением жилища, а «Кисс» орут свою песню, а папаша тщетно пытается выключить телевизор. Ничего у него не получится, у этого нудного человека. И тут глаза парня внезапно загораются цветным огнем. Бросив презрительный взгляд на несчастных родителей, он выходит через пролом в стене на улицу. А там уже в полном молчании, плечом к плечу марширует армия юношей и девушек с такими же цветными, фосфоресцирующими глазами. Конец скуке! Конец одиночеству! Конец слюнтяйству. Какое счастье, спасибо, «Кисс»!

Как видите, адрес выверен весьма точно и недвусмысленно — сюжет в мельчайших деталях рассчитан на тех, у кого по той или иной причине не сложилась жизнь в семье, кто томится тоской, скукой и духовным одиночеством, не видит выходя из засасывающей его трясины, не способен ни на что дельное и мается этой неспособностью. «Выхода нет!» — считают такие ребятки. И вдруг как дар небес, как чудное чудо: «Да вот же он, выход! Вперед!» — обращаются к ним «Кисс», зная, что слабость хватается за любую соломинку, чтобы хотя бы в грезах почувствовать себя сильной. А там — как знать, на какие только мерзости не окажется способной умело направляемая слабая душа! Словом, вступай, братец, в «армию «Кисс», а точнее — в банду трусов, которая, навалившись массой, способна изувечить беззащитного ребенка или старика, в банду подлецов, способных оравой, подстраховывая друг друга, совершить насилие над беззащитной девушкой, в банду убийц, для которых чужая беззащитная жизнь ничего не стоит. Заметьте обязательное условие: жертва должна быть беззащитна.

Редакция не случайно проиллюстрировала материал о «Кисс» двумя размалеванными физиономиями: головореза из войск быстрого развертывания США и сценическим портретом одного из участников ансамбля «Кисс». Сходство не требует других комментариев, однако нравственная и эстетическая агрессия «Кисс» приобретает новую окраску: дурной маскарад преображается в нешуточную угрозу, если от нее не суметь защититься.

Конечно, путь от поклонения «Кисс» в «зеленые береты» предопределен не каждому из американских поклонников этой группы, но уж в магазин за очередным диском — почти наверняка. А этот земной барыш для излучающих внеземные флюиды и внеземную мощь — главное. Главное в этом балагане — продать побольше дисков.

Вообще-то весь ужас и скрежет зубовный, источаемые «Кисс», заимствован ими из другого порождения массовой культуры США — комиксов. Почему я вспомнил о них! Дело в том, что комиксы — рисованные истории, населенные невероятными красавицами и красавцами, суперменами и суперменшами, чудовищами, инопланетянами и вампирами, представляют собою, увы, существенную часть культурного багажа молодых американцев. По комиксам учатся воспринимать действительность. Нам это трудно представить: живое слово напрочь вытесняют рисованные сюжеты. Не надо слушать, не надо читать, не надо вдумываться — глазей! Как крушат города, как беснуются супермены, сосут кровь вампиры. Кодекс ценностей, предлагаемых комиксами,— все то же сверхмогущество, все то же «сверх-я»,— это тоже черта сегодняшней американской культуры. По-видимому, именно стабильный коммерческий успех комиксов подсказал «Кисс» золотую жилу в конкурентной борьбе на рок-сцене, но, можно твердо сказать, вычеркнул их из списков достойных внимания рок-музыкантов. Предвижу возражения знатоков со ссылкой на долетающие из-за океана слухи о золотых дисках «Кисс» и высоких местах в хит-парадах. Что ж, слухи, может быть, и достоверные, но ведь каждый, кто разбирается в механизме производства хитов, знает, что они свидетельствуют не о качестве той или иной группы, а о количестве дисков, которые ей удалось всеми правдами и неправдами сбыть. А как сбывают свой товар «Кисс», мы говорили выше.

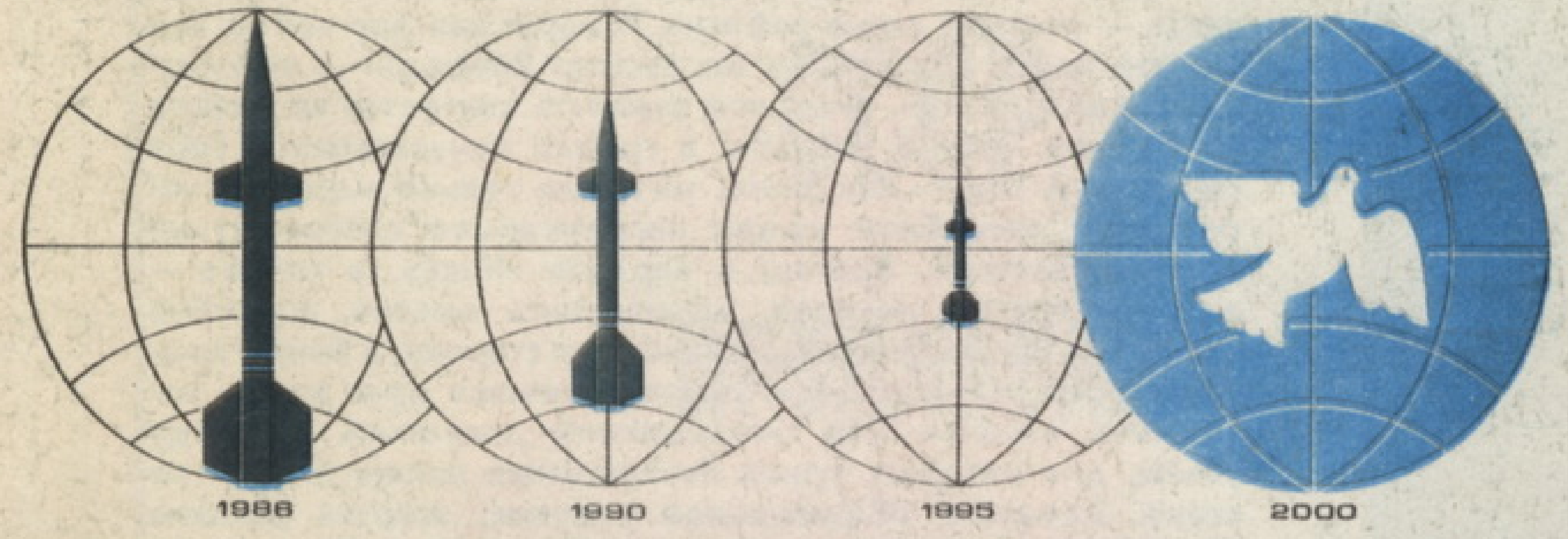
Самое последнее дело — порицать иную культуру только потому, что она не похожа на нашу, что у нее иной путь развития и иные вехи на этом пути. Нет нужды говорить о том, как много дала миру американская культура, в том числе и замечательные образцы любимой многими рок-музыки. Но в случае с «Кисс» речь может идти только об осквернении этой музыки, о несостоявшейся попытке соединить несоединимое — искусство и откровенную спекуляцию на нем.

Не получилась у меня беспристрастная статья, хотя, хочется верить, объективная. А у вас бы получилась!

В заключение — ответы на загадку. 1. Стиральный порошок «Нитекс». 2. Отрывок из рекламного буклета «Кисс», живописующий Пола Стэнли. 3. Шампунь «Доктор Дралле».

А. НОДИЯ, главный редактор

1986 FROM THE YEAR OF PEACE-

TO THE CENTURY OF PEACE! 2000

ВФДМ: «НЕТ МЕСТА ОРУЖИЮ В КОСМОСЕ!»

В Международный год мира Всемирная федерация демократической молодежи (ВФДМ) проводит кампанию «Нет места оружию в космосе!». В этой кампании активное участие принимает советская молодежь: по республикам, краям и областям нашей страны идут марши мира, митинги и фестивали, организуются трудовые вахты.

Плакаты, которые здесь публикуются, выпустил Комитет молодежных организаций СССР в поддержку акции ВФДМ: «Международный год мира» — плакат работы С. Романова; «Нет места оружию в космосе!» — автор А. Семенов; «От года мира к веку мира» — автор В. Неустроев.

В НОМЕРЕ:

Индекс 70781
Цена 35 коп.

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 04.07.86. Подп. к печ. 13.08.86. А07795. Формат $84 \times 108^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,4. Уч.-изд. л. 5,8. Тираж 1 125 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 162

Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.